

Янкович Наталия

СОВРЕМЕННОСТИ
И КЛАССИКИ

Другой мир

Современники и классики

Наталия Янкович
Другой мир. Том 2

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Янкович Н. В.

Другой мир. Том 2 / Н. В. Янкович — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2017 — (Современники и классики)

ISBN 978-5-906916-97-6

Главный герой попал в сказку – в тот мир, где люди чаще смеются, работа приносит удовольствие, неизлечимых болезней не бывает. Нет денежный отношений, но очень ценятся чувства, единение с природой, душевный комфорт. В этом мире захотел бы оказаться каждый из нас. Но есть и другой мир, к которому пришло человечество в результате своего существования. И этот мир может исчезнуть с лица земли в любой момент, его надо спасать... пока ещё есть время. Роман о нас, о том, как мы живём, и о великой силе любви, благодаря которой есть шанс выжить.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906916-97-6

© Янкович Н. В., 2017
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2017

Содержание

Часть вторая (серьезная, психологическая):	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталия Янкович

Другой мир. Том 2

© Наталия Янкович, 2017

© Интернациональный Союз писателей, 2017

Часть вторая (серьезная, психологическая): Пациент 414

Белые стены, белый потолок, белая постель, белое небо... в зарешеченных окнах... Вот и все, что встретило проснувшегося Семена. Чувствовал он себя при этом вполне отдохнувшим и... очень спокойным. Происходящее казалось пустяком, ничего не значащим моментом жизни.

«А из чего она состоят... жизнь...» – закралась в голову навязчивая мысль.

Мозг начал медленно работать.

«Из моментов...» – пришел ответ.

«Плохо... – пронеслось в мозгу – Значит, я теряю время...»

В следующие часы больше ничего интересного не происходило. Мысли блуждали, так окончательно и не формируясь. И только жужжание комара говорило о том, что время все же идет.

«Ах, да, еще тучи!» – пришло в голову.

«Тучи они красивые...» – продолжился в голове сумбурный монолог.

«Они движутся... Значит, они живые... Но у них нет души... Душа... Боль... Душа... – последние слова завертелись в бесконечном круговороте и в итоге слились в слово душевнобольной. – Да, если душевнобольной – это когда душе больно... значит, так оно и есть, он душевнобольной...»

Сеня медленно сел на больничной койке. Белые простыни тихо зашуршали. Их звук привел его в восторг. Это было так приятно... Производить звуки...

Молодой человек осторожно пошевелился, потом кашлянул. Голос показался ему совершенно незнакомым – глухим и хриплым. Эти частоты ему не понравились... – и он замолчал.

«Частоты... Частоты... – почему он подумал именно так, его удивило. – У каждого звука есть своя частота... Оттого все они разные... А есть такие, которые наше ухо не воспринимает... Значит, со мной могут разговаривать, а я даже не слышу. Четыреста пятьдесят... Четыреста двадцать пять мегагерц... Как поживаете? Привет!»

Краешком сознания Сеня давал себе отчет, что у него бред, но слова вертелись и вертелись, без остановки.

В двери что-то лязгнуло, и она открылась. В комнату зашел толстый человек среднего возраста. На лысеющей голове виднелись аккуратно прилизанные пряди редких волос. Пальчики-сосиски чинно лежали на упитанном брюшке.

– Как замечательно, что вы наконец-то пришли в себя, – вкрадчиво промурлыкал толстяк.

– А я ваш лечащий врач Петр Петрович Лябах. Будем знакомы! – и протянул Семену мягкую ладошку.

– А Мендельсон? – с трудом управляя голосом, проговорил Семен.

– Ах, Аркадий Викторович! Изумительный врач. Его взяли с повышением в другую клинику.

Сеня осторожно потрогал свое лицо и понял, что гладко выбрит. Поняв его жест, Петр Петрович весело заметил:

– Наши сестры изумительно справляется со своей работой. Бреют чисто и аккуратно. Вы оценили?

Сеня невнятно качнул головой.

– Сколько я здесь? – прошептал он.

– Совсем немного, два дня! Но я уже вижу заметные улучшения! Вы выпалились, вид у вас бодрый! Самое время нам с вами поговорить! Такими темпами долго вы у нас не задержитесь!

Сеня счастливо и вместе с тем тревожно улыбнулся.

– Это хорошо, ведь на самом деле я совершенно здоров... Не пойму, как здорового человека можно принять за больного...

Петр Петрович внимательно посмотрел на своего пациента и хитро прищурился.

– Значит, говорите, здоровы... Что ж, в этом нет ничего удивительного... Как правило, больные отрицают факт своей болезни. Поэтому давайте договоримся. Прежде всего... Вы должны понять, что Ваша психика нуждается в корректировке, и Вы доверитесь мне и моим рекомендациям. Тогда дело сразу же пойдет на лад!

Про себя Сеня грустно хмыкнул. Уж он-то точно знал, что его разум работает как часы, а память запечатлела каждую мелочь путешествия в параллельный мир. Но вслух молодой человек сказал.

– Хорошо. Я согласен.

Петр Петрович обрадовано потер ладошки и произнес:

– Отлично, тогда начнем со следующего. Вы должны понять, что частично утеряти память, а все Ваши рассказы про параллельный мир – плод больного воображения... Которое... мы с вами и полечим.

Сеня почувствовал, как сердце обиженно заныло. Стало до боли обидно, что его не хотят выслушать в таком простом вопросе, как путешествие в параллельный мир. Обида переросла в горечь и затаилась где-то глубоко-глубоко. Так глубоко, что Семену даже не хотелось туда заглядывать.

Теперь перед ним стояла задача поважнее, а именно – показать, что он совершенно нормален. И доказать это можно было только одним способом – признать, что он сумасшедший! Перспектива не из лучших, но шанс!

– Хорошо, – проговорил он. – Я признаю, что частично потерял память, а вот каким образом это получилось... Боюсь, недоступно моему пониманию...

Петр Петрович Лябах нахмурился и посмотрел на Семена более внимательно.

– Не шутите со мной, молодой человек, – произнес толстяк. – А вы, как я посмотрю, шутите. Нам нужно настоящее выздоровление, а не игра в кто кого обманет!

Сеня растерянно уставился на врача и стал нервно теребить одеяло.

«Как жаль, что я не играл в школьном театре, – закралась глупая мысль, – а то сразу бы разыграл этого толстяка!»

И действительно, все попытки сжульничать провалились с треском. При первой же уверенной реплике врача, Семен стыдливо потупился.

А Петр Петрович продолжал:

– Есть очень хороший метод показать Вам, что Ваши воспоминания – всего лишь фантазия. А именно вспомнить каждый момент в деталях. Мы будем восстанавливать реальность вашего сознания до мелочей, записывать каждое слово и... таким образом в один прекрасный момент – щелк! И Вы сами поймете, что все это не больше, чем мираж. Знаете похожий фокус со снами?

Сеня отрицательно покачал головой. А Лябах принялся деловито пояснять:

– В реальности мы без труда можем сконцентрироваться на любом предмете. Например, возьмем это окно. Посмотрим внимательнее и заметим, что внизу виднеется несколько царапин, в центре – разводы от порошка, а по краям маленькие точки краски... Но если подобное действие мы попытаемся провести во сне... Бах! И картинка начнет плавать и растекаться. Вы не сможете ухватиться за отдельные детали, и в итоге представление о том, что это действительно окно, исчезнет. Понимаете?

Семен невнятно мотнул головой. Сейчас ему самым нереальным казался этот драже-подобный толстяк. Так и хотелось залепить ему увесистую пощечину и посмотреть, как по желеобразному телу пойдут колебания. Вместо этого Сеня плотнее сжал кулаки и тихо ответил:

– Я готов, спрашивайте.

Толстяк счастливо заулыбался и, утирая взмокший лоб, проговорил.

– Начнем с того момента, как Вы... оказались не в этом мире.

Сеня печально хмыкнул и мечтательно закрыл глаза. Как тогда, на него повеяло свежим запахом леса и ароматом яркого солнца. Да, только сейчас он понял, что у него есть аромат, неуловимый и вместе с тем стойкий. Он витает вокруг нас, а мы по своей неотесанности его просто не замечаем. И эта лучистая энергия бывает разной и переменчивой. Когда небо хмурится, аромат становится почти земным, будоражащим и мимолетным. А когда светит яркое солнышко, он неистовствует и заполняет все... Каждую клеточку пространства, каждый звук, каждое движение... Он – сухой и сочный одновременно... Такой...

– Так начнем? – перебил его мысли Лябах.

И молодой человек моментально спустился с небес на землю, а в голове возникла настойчивая уверенность, что та реальность норовит спрятаться и затаиться. Как будто она не желает, чтобы о ней говорили.

В горле застыл комок, слова увязли на губах.

– Я ничего не помню... – еле шевеля языком, выдохнул измученный Семен. – Не могу сформулировать.

На самом деле он мог бы рассказать. Пусть неуклюже и коряво, но мог бы. Только ему не хотелось. Что-то в этом любопытном толстяке его настораживало, мешало поверить... Да! Он ему не верил! Лябах казался подозрительным и нереальным одновременно! Как будто его кто-то придумал, как куклу для шоу! Самым настоящим в нем было только имя – Петр Петрович, все же остальное – совершенно эфемерным.

– Петр Петрович, – цепляясь за реальность, осторожно проговорил Семен. – Знаете, это действительно как сон. Только я концентрируюсь на своих воспоминаниях, как они спархивают, словно птички с проводов.

– Почему с проводов? – настороженно поинтересовался Лябах.

Сеня растерянно моргнул головой. Действительно, некоторые фразы к нему приходили совершенно случайно.

– Просто так, сравнение, – пожал он плечами и уставился на проплывающие за окном облака.

– Небо в клеточку угнетает, – через несколько секунд добавил пациент и перевел взгляд обратно на доктора.

Лябах поежился и надулся, словно жаба. Его пальчики неприятно забарабанили по красной папке.

– Просто Вы не хотите, Сеня, – медленно проговорил он и, порывисто вставая, бросил: – Что ж на этом наша сегодняшняя беседа закончена. К следующему разу рекомендую... постараться все-таки вспомнить...

И Сеня остался совсем один. Дни потянулись за днями. Секунды растянулись на часы, часы на недели, а каждодневные встречи с врачом превратились в один нескончаемый допрос.

Но там Сеня держался стойко. По большей части отнекивался или говорил про те моменты действительности, которые претерпели изменения. Про Другой Мир он упорно молчал. Ему казалось, что если он расскажет – это станет предательством. А он не хотел предавать. Даже в этой больнице он был верен тому прекрасному месту, где сказка стала реальностью...

И иногда, долгими бессонными ночами, он мечтал... Мечтал, что рано или поздно его мир тоже преобразится, и здесь тоже... будут чаще смеяться, чем хмурится, работа превратится в удовольствие, а не средство выживания, болезни исчезнут, а на их место придут духовные искания... Он мечтал...

А реальность продолжала жить по своим законам. Каждый день его брила безопасной бритвой медсестра, вместо вилки и ножа давали ложку, вечером кололи уколы, а ходить позволяли только в длинном голубом балахоне до пят.

Но Сеня не жаловался. Он послушно принимал три раза в день по горсти таблеток, в положенные часы выходил гулять в коридор, принимал ванну под присмотром медбрата... и жил. Просто жил. Как живут растения или бабочки.

Иногда он всматривался в окно и любовался... по-новому... как никогда прежде... Теперь его восхищало совершенство каждого лепестка, каждой травинки, каждого жука... Он восторгался тем, как кому-то... удалось... сотворить подобное разнообразие... И каким-то образом он стал чувствовать эту волю. Она была везде: в каждом дуновении ветра, в восходе и закате, в капельке воды, в каждой песчинке...

Проходили недели, а родители все не приходили. Никто его не навещал и не приносил известий. Иногда Сене казалось, что он исчез из реальности, что он на самом деле не вернулся «оттуда», что все происходящее ему только кажется...

Через некоторое время он неожиданно отметил, что некоторые дни полностью выпали из его сознания. Случилось это совершенно случайно.

В одну из прогулок по коридору к нему подошел странный тип и, боязливо ежась, прошептал:

– Они смотрят. Смотрят и шепчут! Ты их слышишь? А-а-а, это не сразу приходит... Но скоро ты научишься... Они научат... Кстати, который сегодня день?

Тогда Сеня их еще считал.

– Вторник, четырнадцатое... – ответил он.

– Верно говоришь... Значит, они тебя еще не выключали... Верно... Следи за временем! – выкрикнул странный тип и, взвизгивая, побежал по коридору.

И Сеня стал следить за временем. И однажды он растерянно обнаружил, что из понедельника сразу же оказался в среде. А вторник испарился, как будто его и не было!

Семена подобный факт взволновал, если не сказать взбудоражил. И молодой человек решил обратиться со своими переживаниями к доктору. На это Лябах недовольно поморщился и после длительной паузы проговорил:

– Осложнения, дорогой мой... Осложнения... А Вы все упорствуете и не хотите идти на контакт.

Тогда Сеня очень испугался... и притаился. О следующем своем открытии он доктору говорить не стал, потому что даже ему это показалось, по меньшей мере, странным. Он перестал себя воспринимать как Семена Коновалова или Семена Росина. Он вообще перестал себя воспринимать как личность! Теперь в его мозгу пульсировала только одна фраза: пациент 414!

414 – был номер его палаты, а он превратился в пациента, безымянного, аморфного, потерянного, запуганного... Кем? Наверное, самим собой, вернее тем, что постоянно звучало в голове, помимо воли, навязчиво, непрерывно...

Да, в его голове поселились голоса... И он с ними разговаривал! Вернее они разговаривали, а он был немым свидетелем их диалога. Порой ему начинало казаться, что разговаривают не просто голоса, а мухи на потолке. Определенно, они были разумными и тоже общались... Только по-другому и с другой скоростью, слишком быстро, чтобы мог понять обычный человек. А Семен, вернее пациент 414, становился необычным.

Он это чувствовал. Каждой клеточкой сознания, каждой жилкой. Иногда он смотрел на других сумасшедших и задавал себе в очередной раз один и тот же вопрос: «Если я сознаю, что веду себя не так, как обычно... и в моей голове творится нечто новое, значит ли это, что я нормален?.. С другой стороны, если я подозреваю, что болен, – это признак здорового человека... Но зачем здоровому человеку подозревать, что он болен?!»

По такому кругу неспешно бежали мысли пациента 414 и, в который раз, упирались в невозможность решения.

– Они уже разговаривают? – тихо поинтересовался незаметно подошедший всё тот же странный тип.

От неожиданности Сеня вздрогнул.

– Теперь ты 414-ый? Так? – проговорил тип и протянул ему руку. – Я профессор математики Федин Матвей Сергеевич. Будем знакомы.

Глаза Семена расширились от удивления.

– Как?.. – начал он и осекся.

Мимо прошла сестра и внимательно посмотрела в их сторону. Что-то в её взгляде Семену показалось странным. Как будто она не просто смотрела, а наблюдала за ними.

Матвей Сергеевич при ее появлении заливисто взвизгнул и закричал:

– Абыр-абыр-абырвалг! Ха-ха! Дикари не сдаются! Дикари всегда впереди!

Сестра прошла мимо, и Матвей Сергеевич поспешно зашептал:

– Они везде, они наблюдают! Будь осторожен! – и побежал в другой конец коридора.

После этой встречи на Семена напала депрессия. Куда бы он ни пошел, чтобы ни делал – она везде бежала за ним по пятам, словно паршивая дворовая собачка. Но об этом Семён тоже умолчал. Вместо этого он говорил, что спит хорошо, аппетит отличный, а настроение просто чудесное. Петр Петрович серьезно кивал головой и делал пометочки в красной папке.

В один, из бесконечной череды, день к Сене пришли родители. Со слезами на глазах пациент 414 кинулся им на встречу. Долгие минуты он обнимал рыдающую мать и принимал крепкие рукопожатия отца.

– Почему вы так долго не приходили! – наконец, немного успокоившись от радости встречи, обиженно пробормотал он.

Мать с отцом переглянулись. Отец закусил губы, а мать тяжело вздохнула и спрятала глаза куда-то в пол.

– Почему вы так долго не приходили?! – повторил свой вопрос пациент 414.

Отец, потирая затылок, что-то невнятно буркнул. Но Сению это не устроило.

– Я вас ждал, я переживал, скучал! Как вы могли?! Совсем меня забыли? Такой сын вам не нужен?!

– Сынок, – мать печально всхлипнула. – Как ты можешь так говорить?! Мы приходили, мы приходим почти каждый день! Но нас не пускают... Говорят, у тебя обострение. Несколько раз мы настаивали и... Смотрели на тебя из кабинета... Ты нас не видел... Тогда ты вообще ничего не видел...

Большого мать сказать не решилась. Но после долгих расспросов пациент 414 все-таки выяснил, что же они увидели на самом деле. Это его ужаснуло и потрясло.

Оказывается, долгими часами родители смотрели на его скрючившееся тело на койке – остекленевшие глаза смотрели в потолок, изо рта сочилась пена. Именно таким представал перед ними он, когда терял очередной день реальности.

«Это неправда!» – кричало его сознание, но пациент 414 молчал, потому что уяснил главное правило психиатрической больницы – никогда не спорить.

Его раздирали боль и ужас! Но он молчал. Только сжимал кулаки, опускал глаза и изображал улыбку.

– Я стараюсь... – говорил он. – Я стараюсь... Я все понимаю и стараюсь...

В один из дней за примерное поведение Семену вместе с другими «спокойными пациентами» разрешили выйти на прогулку.

Несколько долгих минут он рассматривал свою тюрьму. Здание выглядело на удивление мило и привлекательно: красивые окна с балюстрадами, высокие колонны... Все это навивало аналогию со старокупеческим загородным поместьем. Вокруг простирался ухоженный небольшой парк со стройными рядами деревьев и подстриженными кустарниками.

– Симпатичная обложка! Демоны! – прошептал подкраившийся сзади профессор математики.

– А давно вы здесь? – поинтересовался Сеня и удивился собственным интонациям. В них появилось какое-то заискивание. Он теперь так мало и редко общался, что ему просто необходимо было разговаривать, пусть даже и с этим психом. Ведь пока только один Матвей Сергеевич шел на контакт, остальные же при малейшем приближении шумно разбегались.

– Наверное, больше года... – неуверенно ответил профессор. – Сбился уже... А ты почему здесь?

Сеня не удержался от нервного смеха.

– Хороший вопрос! – хмыкнул пациент 414. – Говорят, сумасшедший...

– Не верь им... – прошептал профессор. – Что бы они ни говорили! Важно только то, что знаешь ты. А знать ты можешь только одно – что абсолютно здоров!

Молодой человек потер лоб и покосился на приближающуюся медсестру. Но вопль одного из психов отвлек её внимание, и она свернула с тропинки.

– Копыткин – наш человек! – гордо заявил Матвей Сергеевич. – Всегда, когда надо, голос подает...

Пациент 414 удивленно поднял брови. А Матвей Сергеевич продолжал:

– Ты по утрам вставай и тверди свое имя. Это помогает. Ты ведь Семен?!

Сеня в очередной раз вздрогнул от звука собственного имени. Теперь оно ему почему-то казалось далеким и туманным, словно из другой жизни.

– Семен... – выговорил он старательно. – Семен...

Разобравшись с шумом, сестра подошла ближе, и профессор тут же испарился из поля зрения. Молодой человек остался на залитой солнцем лужайке совсем один.

– О чем разговаривали? – невинно поинтересовалась подошедшая медсестра.

Сеня серьезно насупил брови и раздосадовано буркнул:

– О чем можно говорить с психом?!

Сестра покачала головой и нравоучительно заметила:

– Не стоит так резко судить. Многие здесь вполне нормальны. Просто их психика нуждается в небольшой коррекции.

– А я, по-вашему, сильно болен? – спросил Сеня и с замиранием сердца стал ждать ответа. Хотя он в душе и считал себя нормальным, но где-то очень глубоко притаился червячок сомнения. Эти потерянные дни, голоса в голове, резкие перемены настроения... его смущали и настораживали.

Сестра мило улыбнулась.

– Это вопрос почти здорового человека, – ответила она. – По всем признакам Ваше состояние имеет определенную стабильность. Но Вам об этом лучше поговорить с лечащим врачом. Доктор Лябах прекрасный человек и специалист! – проговорила она и, ободряюще кивнув, пошла дальше.

Сеня обрадовано заулыбался. Мнение со стороны было для него теперь как никогда важно.

– К Вам пришли! – обращаясь к Семену, крикнул издалика медбрат и жестом указал проходить на территорию для посещений.

Сеня послушно посеменил к скамеечке, которую обступали густые кусты сирени, на ходу твердя: «Сеня... Семен... Коновалов или Росин, но Семен... Точно Се-е-ме-е-н!»

А к нему уже спешил Лёха! Всклокоченные волосы свисали непокорными прядями, лицо осунулось еще больше прежнего, а глаза блестели огнем.

– Сенья, дорогой! Как ты тут?! – воскликнул школьный товарищ и кинулся обниматься. Пациент 414 отступил на пару шагов. От таких бурных эмоций он совсем отвык.

– Да ты что Семен? – воскликнул Лёха, – Своих не узнаешь?! Это ж я!

– Да я понял, понял... – забормотал пациент 414 и осторожно присел на скамейку.

Алексей энергично сел рядом.

– Ты, друг, только не расстраивайся, – без предисловия начал он. – Как я тебя понимаю! Я про твои приключения прослышал. И я тебе верю! А эти врачи – просто болваны, которые ничего не понимают! И ты даже не представляешь, что происходит со мной! Я, правда, никуда не путешествовал, но зато ко мне почти каждый вечер приходят...

Лёха опасливо огляделся по сторонам и уже более тихо продолжил:

– ...Гости с других планет! Они открыли мне секрет перемещения в межзвездном пространстве! Представляешь?! Это уникальный метод! Совершенно ничего общего с технологиями нашей науки!

– И что? Работает? – ошалело поинтересовался обескураженный Семен.

Лёха серьезно поджал губы и буркнул:

– Нет еще... Два велосипеда угробил, один магнитофон и целый мешок муки... Но пока... не до конца довел исследования...

– А при чем тут мука? – бестолково ляпнул Сенья.

Алексей припал к уху товарища и возбужденно зашептал:

– Это самый главный секрет... Только ты – никому!

Сенья утвердительно кивнул, а Алексей продолжал:

– Мукой надо обмазываться... Понимаешь? Делать из нее тесто и обмазываться. Тогда структура клеток будет изменяться и сможет преодолевать световой барьер. Это же открытие! Осознаешь?! Это научный прорыв!

Сенья опасливо посмотрел на товарища. Большей чуши он в своей жизни еще никогда не слышал!

– А что говорят в Академии? – осторожно поинтересовался пациент 414.

Алексей лихорадочно потер руки, а потом во все горло воскликнул:

– Бездари и слушать меня не хотят! Уволили! Списали! Сказали, что это антинаучный бред!

– Уволили – это плохо, – прокомментировал Семен и подумал, что Алексею неплохо было бы полечиться вместе с ним.

– Ну, мне пора, – неожиданно бросил Лёха и, тыча пальцем в небо, добавил: – У меня скоро контакт! Не хочу пропускать!

– Контакт, так контакт... – задумчиво прошептал пациент 414 в удаляющуюся спину товарища.

И в голову опять пришли сомнения. Кто же из них на самом деле больше болен: он или его товарищ?.. По всем признакам Алексей нес полную чепуху... Но вдруг это действительно была правда, и инопланетяне избрали своим контактером одного из многочисленных засидевшихся в младших научных сотрудниках – лаборанта Академии наук Алексея Немова?!

Пациент 414 растерянно пожал плечами и пошаркал во дворик для гуляний.

Остаток дня прошел в приеме таблеток и бестолковом шатании по коридорам. Книжки и телевизор в сумасшедшем доме были запрещены. Первое время это Семена смущало, но

потом, после длительных и неспешных размышлений молодой человек понял, что давать психам читать книжки или смотреть телевизор – то же, что подливать масла в огонь.

Это он вывел из собственного опыта. Поначалу каждый похожий звук или шорох будили в нем воспоминания о сказочной стране. Иногда он заглядывался на какую-нибудь медсестру, потому что её интонации или краешек улыбки напоминали Анастаску. Иногда ее лицо виделось ему в облаках, а иногда из открытого окна доносился запах, похожий на аромат ее кожи... Сказочный мир напоминал о себе всюду...

Но прошли недели, и Сеня с тоской и сожалением начал замечать, что воспоминания меркнут, а образы тускнеют. Казалось, надо бы обрадоваться, он выздоравливает! Но вместо этого пациент 414 расстроился. Образы меркли, а им на смену приходили непонятные навязчивые голоса, глухое гудение в голове и потеря ориентации. Самое странное, что все это 414-ый понимал...

Медленно он начал осознавать, что сходит с ума!

После очередного безрезультатного допроса врача о «том мире» Сеня в изнеможении лежал на постели. За окном кружились снежинки, и он слушал, как они медленно ложатся на белую гладь наста. В противоположном конце коридора в угловой палате сонно засопел теперь уже его товарищ – профессор математики Федин. Медсестра на посту звякнула ложкой о край стакана, заполненного сладким чаем с лимоном.

Все это пациент 414 отчетливо слышал и знал. Он даже мог назвать точное число мышей, что бегали по подвалам сумасшедшего дома, и скольких съел на обед местный кот Васька.

Окружающая действительность отражалась в его сознании в мельчайших деталях, и пациент 414 теперь удивлялся, как мог не замечать этого раньше.

Поджав под себя ноги, он сел и, раскачиваясь из стороны в сторону, начал беспрерывно твердил свое имя. Это помогало и... отделяло... от того, что происходило в его мозгу.

Целый мир, заключенный в его голове, затягивал и уводил от собственного «я». И только когда он произносил из раза в раз «Семен», действительность позволяла на миг вернуться к своей личности. Он был всем, но не мог оставаться собой...

А воспоминания о сказочной стране стали мукой, миражом сознания, началом болезни... Он отчетливо понимал, что болен, но ничего не мог с этим поделать. И чем больше проходило времени, тем больше изменений претерпевало сознание.

Как-то вечером он уединился с профессором в закутке для сушки белья. Находить места там, где никого нет, и их вряд ли кто найдет, с его восприятием реальности теперь оказалось сущим пустяком.

– Профессор, – прошептал он тревожно. – Это становится невыносимо... Я сам понимаю, что схожу с ума!

Небольшой худощавый мужчина преклонного возраста поднял на него печальный и внимательный взгляд.

– Друг мой, – проговорил он, – в этом мире границы нормальности устанавливает большинство, и мы не вписались в их рамки. Но говорит ли это о том, что мы больны? Вовсе нет... Мы просто другие...

– Мне страшно, профессор! – пробормотал пациент 414. – Раньше я знал все о том, что происходит в моем отделении, потом на этаже, а теперь... в целой больнице!

– Ты говорил об этом с Лябахом? – поинтересовался худощавый мужчина.

Пациент 414 отрицательно покачал головой.

– Я ему не доверяю... – ответил он.

Профессор довольно улыбнулся и страстно зашептал:

– Это твой дар! Только твой! Не открывай его варварам! Иначе они укутут тебя до конца дней в этой лечебнице! Не делай моих ошибок!

Пациент 414 вздрогнул.

– Так вы... тоже...

Пожилой мужчина восторженно сверкнул глазами.

– Подобное было и со мной, но как только я сообщил о новых возможностях Лябаху – это в одночасье оборвалось... Пришла полная потеря памяти и паралич... Несколько месяцев я не мог пошевелить и пальцем...

– Я чувствую себя почти богом! – отозвался 414-ый и опасливо потупился. – Богом, который забыл свое истинное лицо!

– Притворись, что ты – как все... – хмуро отозвался профессор. – И у тебя появится шанс...

– Это становится все труднее и труднее. Восприятие растет. В моей голове одновременно живут сотни людей: врачей, медсестер, больных... Иногда я почти теряю контроль... и теряю себя в этом потоке реальности...

– А голоса? – отозвался профессор.

– Сейчас молчат, – отозвался пациент. – Чаще всего они звучат утром, когда подъем, потом...

– ...После обеда, и третий раз – перед сном, – продолжил профессор. – И ты знаешь, что это частоты в четыреста пятьдесят или четыреста тридцать мегагерц и слова назойливо повторяются. Иногда это не слова, а импульсы разной интенсивности и продолжительности...

Пациент 414 схватился за голову.

– Опять начинается! – застонал он.

Профессор заботливо положил руку на подрагивающие плечи товарища.

– К сожалению, я не знаю, как тебе помочь, – проговорил он печально. – Они меня тоже терзали... До того паралича... Я сказал врачу... Теперь я их не слышу... Но и не живу. Каждое движение дается невыносимым трудом. А иногда я со страхом понимаю, что не в силах управлять своим телом... Лучше научись их не слышать, чем жить так...

После этого разговора 414-ый попытался начать тренировки. Со скрежетом зубов и слезами на глазах он старался сконцентрироваться на каждом звуке, понять его природу, а потом заставить сознание не воспринимать подобное колебание. Но в очередной раз он наталкивался на такую могучую силу, что не смел ей противостоять.

Пот и слезы текли по лицу, из носа шла кровь, а голоса продолжали звучать.

– Я сумасшедший... сумасшедший... и с этим надо смириться... – пробормотал 414 и без сознания упал на пол.

– Он нас слышит? – послышался обеспокоенный голос.

– В его состоянии это было бы чудом, – отозвался второй. – Девяносто процентов мозга мертво. Потребления кислорода хватает только на то, чтобы предохранить его от гниения.

– Многочисленные рубцы на легких, изменение плотности тканей... – сказал третий, женский, голос. – Эксперимент необходимо прекратить. Его психике уже ничего не поможет.

– Но, Ита! Уже ничего и не помешает! – недовольно отозвался второй, в котором Семен угадал голос Лябаха.

– Вы заходите слишком далеко! – воскликнул другой мужчина. – Этому нет оправдания! Скоро из сумасшедшего он превратится в растение!

– Не забывайте, что и Вы, Роман, принимали участие в этом эксперименте! – грозно ответил Лябах. – И не смейте мне указывать! Здесь я решаю, что, когда начинать и когда заканчивать! Ему мы уже не повредим, а, следовательно, станем продолжать! Он интересен, и я не намерен упускать этот шанс!

– Вся проблема в греющем излучении... – вставила Ита, как только Лябах закончил свою гневную речь. – Он выдержал столько, сколько никто не выдерживал. Но резерв исчерпан. Мы должны найти другой подход.

– И к тому же он молчит как рыба! – добавил Роман. – Как будто с ним ничего не происходит!

– А это моя забота, почему он молчит! – рыкнул Лябах – Главное, что мы видим эффект!

– Никакого эффекта нет! – воскликнул Роман. – Он стал еще более сумасшедшим, чем был! Посмотрите на эти все учащающиеся приступы, когда он часами лежит с остекленевшими глазами! Обратите внимание на то, как он все чаще теряется в самых простых вопросах! Медленно, но верно он деградирует!

– У меня есть распоряжение, – прошипел Лябах, – и я его выполню!

– Какое распоряжение? – удивленно переспросила женщина.

Роман с Итой переглянулись. Главврач недовольно хмыкнул и процедил:

– Мы должны узнать каждую деталь, каждую мелочь бреда. Начиная от цвета глаз его персонажей, кончая сортом травы в той местности. И наши разработки это обеспечат! Теперь понятно?!

Женщина и мужчина опять переглянулись. Ита от чего-то сосредоточенно нахмурила брови и опустила глаза, а Роман запальчиво воскликнул:

– Изучать параноидальный бред шизофреника – это задание придумал сумасшедший!

Лябах восторженно засмеялся.

– Или гений! – отозвался он.

– Что здесь происходит? – твердым голосом прервала восторг Лебаха Ита и смирла главврача ледяным взглядом.

Тот в ответ сощурился и, играя толстыми сосисочками пальцев, вкрадчиво произнес:

– А что если допустить, что его рассказ не вымысел?

В кабинете повисла долгая пауза.

– Мы лечим здорового? – наконец, дрожащим голосом прошептал Роман.

– Вероятно здорового, но очень упрямого сукиного сына! – отозвался Лябах и заливи-сто рассмеялся.

– Я подаю заявление об увольнении, – отрывисто бросила Ита и пошла к дверям.

С проворством невероятным для такого тучного человека её обогнал Лябах и, улыбаясь, преградил дорогу.

– Я знал, что рано или поздно... придется всё рассказать, моя милая. Наука так далеко шагнула, открылись такие невиданные возможности! Мы работаем над управлением сознанием, а кто-то... Но, тс-с-с! – прошептал он и уже более развязно добавил: – Уходите, уходите! Бросайте годы трудов. Только не забывайте, что на этом эксперименте стоит Ваша подпись! Если все пройдет хорошо, награда достанется нам, а если нет... За все ответите вы...

Женщина в нерешительности остановилась. А Лябах подошел к ней вплотную и, про-сунув руку в вырез халата, стал неистово массировать ее грудь.

– Ведь это сердечко не выдержит... – напряженно шептал он ей в самое ухо, – если честную Иту обвинят в садистских экспериментах? Так? Обвинят в том, что они играла с сознанием пациентов, делала из здоровых людей сумасшедших? Как она с этим будет жить? А ведь этот вопрос в моих руках... Ждет тебя успех или позор! – резко выкрикнул он последнюю фразу и, прижав к стене, принялся неистово целовать её в шею.

Женщина попыталась его оттолкнуть, но он только больнее сдавил ее запястья и навалился с новой силой.

– Роман, да почему Вы стоите?! Неужели не видите, что делает эта сволочь?! – выкрикнула Ита, уворачиваясь от слюнявых поцелуев. – Уберите его от меня!

Роман нерешительно сделал шаг навстречу. Лябах молниеносно обернулся и прошипел:

– Еще шаг и будешь искать себе работу!

Молодой мужчина, трусливо мотнув головой, замер.

– Да помоги же мне оседлать эту сучку! – гневно рявкнул Лябах, и Роман покорно пришел ему на помощь.

Через несколько минут до Семена донеслось.

– Ну а теперь ты давай!

Роман что-то нечленораздельно забормотал.

– Давай, кому сказал! – повторил Лябах. – Надежнее сработаемся! Будешь моим замом!

И по комнате разнеслось мерное сопение и кряхтение. Судя по всему, Роман очень старался угодить своему начальнику.

Пациент 414 вскочил со своей постели и нервно побежал к двери. Дурной сон не отпускал. Сделав несколько кругов по комнате, он остановился и, присев на корточки, тихо засмеялся. Сознание проделало еще один трюк, чтобы он поверил в то, что здоров. Еще одна история, еще один миф, которого никогда не было в реальности. Многие месяцы он видел Лябаха. Но ни разу ему на глаза не попадались ни Ита, ни Роман. Его сознание охватывало целое здание, но таких людей в нем не было!

Пациент 414 заплакал. Понимание сумасшествия делало реальность невыносимой!

Он, почти Бог, может заглянуть в любой уголок огромного пространства, и он ничего не может сделать с тем, что его разум вытворяет в очередной раз.

Он, почти Бог, заключенный в маленькую палату огромного сумасшедшего дома!

Пациент 414 печально посмотрел на свои руки – они дрожали. Он дрожал! Его бил озноб.

Ему захотелось в семью! Вернуться к родителям, обнять мать, выпить чайку с отцом... Но чьей-то злой волей это все у него отняли, взамен дав... Красивые воспоминания, которых никогда не было.

Слезы текли по щекам и терялись в краях голубого балахона. Как он хотел быть нормальным! И он уже готов был никогда не знать о прекрасном мире... Только бы ему вернули его...

– Бог, где ты?! – воскликнул он и, рыдая, упал на пол. – Помоги мне, я больше не в силах вытерпеть эту боль!

«Слезы недостойны мужчины!» – сказал бы его отец.

Но эти понятия стали теперь туманными и не важными. Мужчина или не мужчина... Он был просто – душевнобольной... Без прав и без шансов...

Шизофрения – кричал диагноз из красной папки! Пожизненно! Конец...

Стояла непроглядная зимняя ночь. Деревья за стенами психиатрической лечебницы потрескивали от морозов.

Пациент 414 открыл глаза. Что-то в пространстве его палаты изменилось.

В углу около окна притаилась тень...

– Кто здесь? – глухо прохрипел 414-ый.

Тень пошевелилась и вздохнула. Или ему почудилось? Пациент прислушался. Молекулярный состав воздуха изменился. В нем появился привкус грозы и чего-то... очень знакомого, но забытого... Пациент 414 вздрогнул.

– Опять! Начинается! – беспомощно простонал он и зарылся поглубже в подушки.

Но убежать не получилось. Каждой клеточкой кожи он чувствовал Другой Мир. Теперь он приблизился и был совсем рядом. Требовалось только немного сосредоточиться... Но он

не хотел! Потому что знал – это новая волна безумия! А он желал выздороветь, стать таким, как все!

– Эй! – слабо позвала тень. – Пожелай услышать!

Пациент зажал уши, но это не помогло. Слабый зов продолжал звучать в его измученном сознании.

– Откликнись! Помоги! – продолжала тень. – Нам нужен якорь!

– Я Семен... Я Семен Росин... Я хочу выздороветь... Я почти здоров... Семен Росин... Семен... – забормотал больной, раскачиваясь на кровати из стороны в сторону. – Больше никаких голосов! Я Семен! Я выздоравливаю!

Тень исчезла. Пространство палаты приобрело прежние параметры. Пациент 414 облегченно вздохнул. Наконец-то ему удалось справиться с очередным приступом. Эти голоса! Они сводили его с ума...

Больной задумался. С трудом поборов страх, он попытался проанализировать. Этот голос был не таким, как раньше... Другим... слабым... далеким... манящим... Он едва прикасался к сознанию, словно дуновение ветерка... И совсем не походил на давящие и уничтожающие собственный разум сокрушительные шепоты до этого. Или сумасшествие приобретало новый характер? Пациент 414 задумался.

На сердце почему-то заныло. Как будто он упустил замечательную возможность и даже не до конца об этом догадывается.

«Я избежал очередного приступа! – упрямо проговорил больной. – Стоило мне только откликнуться, и меня бы поглотила очередная пучина безумства!»

Но сердце продолжало учащенно биться. И этот аромат!

За дверью слышались шаги ночного обхода. Пациент 414-ой палаты быстро шмыгнул под одеяло и закрыл глаза. Дверь скрипнула, по кровати пробежал луч фонаря.

Сестра удовлетворенно кивнула и закрыла дверь. В ее отделении был полный порядок. Все мирно спали. Повесив связку ключей на пояс, она спокойной походкой пошла обратно на пост, пить чай. Почти за тридцать лет работы в учреждениях подобного рода она научилась не обращать внимания на суеверия и глупые страхи более молодого персонала.

Но именно в эту ночь ей почему-то было неспокойно.

«Наверное, давление скачет», – подумала она и поспешила к освещенному пространству вокруг поста.

Но тут же как вкопанная застыла на месте. Под ногами метнулась тень и скрылась за дверью № 414.

Сестра зажмурилась, потом снова открыла глаза.

– Почудилось! – прошептала она и сделала свет лампы поярче.

А в палате 414 больной тоже открыл глаза и прислушался к тому, что происходило в его отделении. Как никогда прежде уму захотелось поговорить с профессором. Но в палате профессора царила полная тишина. Пациент 414 не расслышал даже слабого шороха. Ему показалось, что там вообще никого нет.

«Странно...» – подумал 414-ый и осмотрел остальное пространство больницы. Но ни в одном, даже самом отдаленном уголке клиники так и не обнаружил своего, теперь единственного, друга.

За полтора года его присутствия в психиатрической лечебнице профессор для него стал верным другом. Только с ним он мог поделиться сокровенными мыслями и рассказать о самых необычных воспоминаниях...

– Профессор! – послал 414-ый мысленный сигнал.

Иногда профессор откликался на такие призывы. Но в этот раз ответа не было.

Больной тревожно поворочался на постели и впервые за полтора года пребывания в сумасшедшем доме пожалел, что выбросил ежевечернюю порцию снотворного в унитаз.

– Профессор! – повторил больной жалобно. Но ответом была тишина.

С великим трудом 414-ый заставил себя успокоиться, закрыть глаза и забыться в напряженном, коротком сне.

Утро началось, как всегда, с обхода. Больной с трудом выдержал ежедневный осмотр врача, с усилием концентрируясь на одинаково бестолковых вопросах. Послушно наврал о своих хороших сновидениях и с нетерпением принялся ждать обеденной прогулки по коридору.

Наконец, двери его «камеры» лязгнули, и медсестра, приветливо улыбаясь, предложила пройти по отделению.

Выждав, когда вокруг комнаты профессора никого не будет, пациент 414 проворно шмыгнул внутрь.

Его взору предстал довольно попивающий компот Матвей Федорович.

– Я вас звал ночью, профессор! Почему не отзывались?! – взволнованно прошептал 414-ый.

Матвей Федорович бестолково заулыбался и виновато пробормотал:

– Что-то я вас совсем не припомню молодой человек. Мы раньше встречались?

– Профессор! Это я... Семен... – едва справляясь с надвигающимся ужасом и с трудом произнося собственное имя, воскликнул больной.

Но профессор в ответ только непонимающе мигнул глазами.

Пациент 414 обессилено присел рядом с другом и тихо зашептал:

– Что они с Вами сделали, профессор? Что случилось?! Прошу Вас, вспомните! Это же я... Я ваш...

– Что-то я Вас совсем не припомню молодой человек. Мы раньше встречались? – растерянно моргая, перебил его речь профессор.

Семен всхлипнул.

– Вы же мой единственный друг! Как же так?! Что же это?..

– Кто Вы такой? Как Вы сюда попали? И где мы? – отозвался Матвей Федорович.

А пациент 414, посмотрев в ничего не выражающие глаза друга, понял, что того уже нет рядом.

– Ты свободен... – проговорил больной. – Ты счастлив и свободен...

Матвей Федорович в ответ расплылся в детской улыбке и продолжил с удовольствием вылавливать и жевать ягодки из компота.

Всем своим новым существом пациент 414 сознавал – перед ним только тело. В то время как все остальное, что составляет личность, безвозвратно мертво... Знакомые черты, жесты, голос и движения... А внутри пустота...

Краем сознания больной уловил приближение медсестры и поспешно вынырнул из палаты.

Не успел он пройти и трех метров, как нос к носу столкнулся с бегущей ему навстречу обеспокоенной Верой. Пациент 414-ый улыбнулся ей.

Вера, пожалуй, была самым очаровательным и молодым работником этого заведения, а потому не успела утратить некой душевной чуткости. В каждом её жесте угадывалось искреннее желание облегчить страдания и помочь...

– С профессором что-то не ладно, Семен... – бросила она на ходу. – Я знаю, что он был вашим другом... Если хотите, можете зайти к нему вместе со мной... Ему уже... – и тут она осеклась, украдкой смахнув набежавшую слезу.

Семен поспешно кивнул и пошел следом.

– Мне иногда кажется... – оборачиваясь, прошептала Вера, – что Вы совершенно здоровы... Не понимаю...

Но тут они зашли в палату профессора и в нерешительности застыли.

Профессор лежал посредине комнаты и, словно младенец, громко агукал.

– Последние полтора года он держался великолепно... – вздохнул больной.

– Он устал, – отозвалась Вера. – Он слишком долго сражался за свой рассудок...

– Долго? – переспросил больной.

Сестра кивнула.

– Около четырёх с лишним лет... И у него не осталось никаких родственников. Детей нет, жена умерла пару лет назад. Это тогда его сильно потрясло... – печально проговорила она.

Пациент насторожился.

– Кто же оплачивает лечение? – поинтересовался он.

Вера зарделась и торжественно проговорила.

– Иван Иванович Лябах... Он взял все расходы по его содержанию на себя...

В следующий миг их разговор прервал появившийся в дверях медбрат.

Пациент 414, бросив на друга прощальный взгляд, поспешно ретировался. По опыту он знал, что таких больных в этом отделении не оставляют.

Он шел, низко опустив голову. Пациент знал, что если на его лице заметят печаль или страдание, тут же придет сестра и вколет успокоительное. Но ему не хотелось забываться. Он хотел чувствовать эту боль. Она была, словно его прощание... прощание с единственным другом... Это было его право...

– А вот и Вы! – окликнула его приближающаяся Вера. – Мне сказали ввести Вам успокоительное.

Семен внутренне сжался, но в ответ кивнул и послушно посеменил к своей палате.

Когда они оказались внутри, Вера извиняющимся тоном прошептала:

– Мне почему-то всегда неловко делать Вам уколы... Но это мой долг...

– Это ничего... Я вас понимаю... только... – он внимательно посмотрел в глаза девушки, – ...у меня есть право скорбеть... Я был его другом... а теперь он ушел...

Вера замотала головой и, сглотнув подступающий комок, прошептала:

– Не говорите так! Он еще может поправиться...

– Давайте не будем себя обманывать... – прошептал больной. – Его уже нет с нами... Я надеюсь, что его душа нашла покой на небесах... И только тело осталось на этой бренной земле...

Вера всхлипнула.

– Иногда мне кажется, Вы гораздо умнее и сильнее меня... Но почему Вы здесь?!

В ее глазах промелькнул скорее не вопрос, а возмущение и... что-то еще. Пациенту 414 это показалось очень знакомым.

– Вера... – прошептал он. – Не расстраивайтесь. Я уже привык.

Девушка запальчиво ответила:

– Нет, Вы замечательный! Вы должны бороться! Вы такой...

Пациент 414 печально усмехнулся.

– Самое сложное – бороться самим с собой! И, похоже... я проиграл в этой схватке...

Вера вздохнула и занесла шприц.

– Я должна, – прошептала она, но потом остановилась и прыснула содержимым в раковину. – В ближайшие несколько часов не забывайте, что Вы под сильным успокоительным! – быстро проговорила девушка и порывисто вышла в коридор.

Сеня впервые за несколько месяцев счастливо улыбнулся и вдруг понял, что у него уже слишком давно не было женщины!

А в палате витал тонкий аромат ее духов.

«Девочка, нежная, хрупкая, славная девочка!» – подумал пациент 414 о Вере и вдохнул трепещущими ноздрями ее запах.

Следующие несколько часов он провел в палате лёжа на койке и прислушиваясь к тому, что творится в клинике. Профессора он больше не чувствовал. Вернее ощущал некое присутствие, которое никак не подходило под определение «человек». А через несколько часов пропало и это.

Еще он чувствовал Веру. Как трепетно она вспоминает их диалог, как волнуется... Он это знал и улыбался в темноте своей палаты.

Поздно ночью дверь тихо открылась, и что-то скользнуло к нему на кровать.

– Вера?! – удивленно выдохнул пациент 414, не видя её лица в темноте.

И тут же почувствовал, как девушка смущенно кивнула.

Её присутствие ночью, на его кровати... подействовало, как разряд молнии. Ему захотелось её схватить, повалить на постель, и долго и страстно ласкать в объятиях...

Но он улавливал, что она пришла не только за этим.

– Зачем вы здесь? – тихо поинтересовался он.

Девушка нерешительно поежилась.

– Наверное, я странная...

Пациент хмыкнул и прошептал:

– Не Вам говорить мне о странностях. Не волнуйтесь, говорите, как есть...

– Я... – девушка запнулась, – я с Вами сегодня днем говорила... И мне показалось... что Вы самый близкий мне человек на всем белом свете... Странно?

414-ый покачал головой.

– У Вас еще в раннем детстве ушли родители... Вас воспитывала бабушка, которая несколько лет назад тоже... всю жизнь Вы были загнанным волчонком... И потому решили помочь избежать этого другим, решили посвятить свою жизнь служению... Здесь Вы можете быть собой... А в жизни Вы одиноки... Очень одиноки... Потому что боитесь снова потерять...

– Откуда Вы все знаете?! – пробормотала Вера.

А 414-ый почувствовал, как у него начинает кружиться от возбуждения голова.

– Потому что я сумасшедший, – выдохнул он и поспешно добавил. – Вам лучше уйти!

– Но... – Вера шмыгнула носом, – почему Вы меня прогоняете?! В отделении до утра никого не будет. А охрана с лестницы не придет, если я сама их не позову!

Пациент порывисто вскочил с кровати и заходил по темной комнате взад-вперед.

– Нет, Вы сами понимаете, что творите?! – наконец выпалил он. – А если бы на моем месте был Кто-то другой?! Он бы уже успел Вас изнасиловать десять раз, связать и сбежать!

Девушка сделала нерешительную попытку встать.

– Но я Вам... поверила... – нерешительно сказала она. – Вы такой особенный...

– Не забывайте, что я псих! – жестко бросил 414-ый. – И не вздумайте совать нос к кому-нибудь еще! Для Вас это может очень плохо кончиться!

Девушка виновато опустила руки.

– Но Вы же не сбежали... – пролепетала она. – И Вы рассказали обо мне то, что никто не знает... Откуда Вы всё знаете?

– Я даже знаю, что пара охранников на лестнице храпит сейчас и видит десятый сон. Так что Вы могли бы тут обкричаться, и никто бы Вас не услышал!

– У меня есть кнопка тревоги... – жалобно проговорила девушка.

414-ый порывисто подошел к ней и, прежде чем девушка успела пикнуть, перехватил ей запястье.

– А теперь у Вас нет кнопки тревоги, – проговорил он. – И прошу Вас, никогда не шутите с психами! Вы молодая, замечательная, но это опасно! А теперь уходите!

Он держал её руку и чувствовал, что судорога желания поглощает все больше. Эта нежная кожа, шелковистые локоны, забранные в тугой пучок... Ему хотелось распустить её волосы, гладить их волнистый шелк, трогать губами губы...

Вера покачала головой.

– Я не уйду... Я не за этим пришла... – проговорила она и посмотрела на его силуэт в темноте. Её глаза блеснули. – Ты знаешь обо мне больше, чем я сама... Я не знаю, как... Но я чувствую... Ты самый... Ты... Мне бы хотелось побыть с тобой...

– Не пойму, кто из нас больше сумасшедший?! – прошептал 414 и повалил её на кровать.

Она не сопротивлялась. А только отдавалась его страсти. Дикой и необузданной. Он не брал, он терзал её тело, тут же дрожа от нового желания. И он чувствовал её восторг и трепет, боль и страх, жажду и мучение. Это кружило его голову. На грани сознания они балансировали на пике блаженства. На грани безумия отдавались друг другу...

Его вздымающаяся плоть отыскивала каждую её впадинку и наполняла жизнью. Они потеряли счет времени. Они сливались вновь и вновь.

414-ый снова, жестоко сжимая её в объятиях, придерживал за волосы и вторгался в тайный источник наслаждения. Девушка стонала и наслаждалась... страстью, болью и подчинением...

А пациент сумасшедшего дома неистовствовал, заставляя изнемогающую жертву дарить все большие наслаждения. И она покорялась... На сосках и груди оставались следы от его укусов, но она продолжала...

С силой заломив девушке руки за спину, свободной рукой он принялся бить её по ягодицам.

По её щекам побежали слезы боли. А 414-ый бил с еще большей силой. И только когда она попросила пощады, пациент развернул её к себе и с силой ударил по лицу. Девушка сладострастно вскрикнула и припала губами к его вздымающемуся фаллосу. По разбитым губам струилась кровь, но это только придавало больше вкуса её наслаждению.

Она чувствовала, как властными руками он сжимает его голову и проникает в самое горло. Девушка чувствовала его так глубоко, что начала задыхаться. Но это его не остановило...

Она поняла, что балансирует на грани сознания, и что его плоть удовлетворенно вздрагивает и заполняет ее гортань.

– Откуда ты знал, что я?... – наконец прошептала она после нескольких минут блаженного бездействия.

Пациент 414 усмехнулся.

– И ты ненавидишь себя такую? Думаешь, ты тоже... не совсем нормальна... Оттого, пришла ко мне...

Вера осторожно потрогала разбитую губу и улыбнулась.

– А разве нет? – отозвалась она.

414-ый уставился в потолок. Долго пристально смотрел, а потом бросил:

– Я знаю каждого пациента в каждой палате этого сумасшедшего дома. Многих я ни разу не видел. Но я знаю, какие сны им снятся... Чего они хотят, чего бояться, от кого убегают... Знаю, что у одного охранника сегодня болит рука, потому что вчера он подрался в баре... Все это я каким-то образом знаю... Я много думал. Природа – странная штука. Она создала такое разнообразие. Чего-то больше, чего-то меньше... И ты её творение... Разве нам судить?

Вера зябко поежилась.

– Значит, они поэтому тебя держат? Ты слишком много знаешь?

От такого нового поворота мысли пациент 414 вздрогнул.

- Может быть... Может быть... – зашептал он и принялся натягивать голубой балахон.
- Я приду еще? – робко поинтересовалась Вера.
- Такие, кто тебе нужен, есть не только в психушках, – улыбаясь, заметил 414-ый.
- Но никто не знает, почему я такая. А ты...
- Не вини себя в смерти родителей, та автокатастрофа не твоя вина...

Девушка, и веря и не веря одновременно, пристально посмотрела на молодого мужчину. Это была её самая большая тайна. И она впервые встретила человека, который все понимал без слов.

- В том мире нет того, кто бы меня понял... – прошептала она, наконец.

– Ну а здесь... один сумасшедший точно есть, – весело отозвался пациент 414. – Приходи, я буду ждать!

«Боль – она, как огонь... кого-то сжигает, а кого-то закаляет...» – размышлял больной палаты номер 414, лежа и глядя в потолок.

Так получилось и у него. Жизнь в сумасшедшем доме в определенном смысле наладилась. Голоса в голове стали намного тише – после упорных тренировок ему наконец-то это удалось! Врачи несколько успокоились со своими нескончаемыми расспросами... Да... Это началось, наверное, после случая с профессором. Весь вышестоящий персонал в одночасье стал как будто любезнее и осторожнее. И уже прошел месяц, а ни одного дня не выпало из его сознания... Одним словом, дела пациента 414 шли на поправку.

И эти странные встречи...

Пациент 414 потянулся и уставился в наполненное чернотой ночи окно. Никогда и ни с кем прежде у него не было таких странных отношений. Он был зависим в этом здании от каждого врача, любой медсестры и в то же время... безраздельно властвовал над Верой... Она подчинялась ему полностью и готова была выполнить любое пожелание, вплоть до побега... Но ему не хотелось бежать. Вернее, в своем лице он боялся подвергать опасности других... А его абсолютная власть над молоденькой медсестрой? Да пьянила, бодрила... но с оттенком горечи. Этой властью он не был вправе воспользоваться до конца.

Сейчас на площадке, как всегда, дежурила пара охранников. Пациент 414 это знал. Знал и то, что один отошел, а второй едва держит глаза открытыми после вчерашнего дня рождения жены. Знал, что в любой момент может получить ключ и незамеченным пройти мимо. Знал, что в одном месте, около кабинета Лябаха забор практически не просматривается, а пост охраны рядом иногда позволяет себе засидеться за картишками. У него было много информации, детально точной, доскональной... Но он сидел в своей палате и спокойно смотрел в зарешеченное окно.

Дверь осторожно открылась, и в комнату проскользнула Вера. Пациент протянул руку, чтобы зажечь маленький ночничок. Его восприятие выросло настолько, что он мог почувствовать приближение человека. Так что слабый луч света в ночные часы стал его маленькой приятной шалостью, которую никто не мог заметить без позволения хозяина.

Но Вера его остановила.

- Не надо, – тихо прошептала она.

Пациент 414 удивленно поднял брови и, все же включил свет.

Вера поспешно отвернулась, но он перехватил ее миниатюрно заостренный подбородок, нежно повернул к себе и отвел от лица прядь золотисто-каштановых волос.

Девушка посмотрела на него взглядом, полным стыда и раскаянья.

– Это был не тот парень, – прошептала она и попыталась прикрыть волосами огромный, во всю щеку, фиолетовый синяк.

Пациент 414 осторожно погладил кончиками пальцев ее шею и начал медленно расстегивать белый халат.

Вера попыталась отстраниться. Но его руки продолжали настойчиво раздевать. Вскоре он увидел то, что и предполагал. По плечу спускалось несколько глубоких уродливых рубцов. На груди виднелись ожоги от сигареты, а все тело покрывали многочисленные синяки и ссадины.

– Кто он? – едва сдерживая гнев, прошептал 414-ый.

Девушка всхлипнула и закрыла лицо ладонями.

– Я сама, сама виновата, – едва слышно ответила она. – У меня есть ты, а я...

– Он не смел тебя так обижать, девочка! – нежно прошептал пациент и прижал маленькое всхлипывающее тельце к себе. – Все заживет, главное не расстраивайся, все заживет... – повторял он, нежно поглаживая ее по вздрагивающей спине.

Девушка прижалась к нему еще плотнее и крепко обняла.

– Прости, прости меня! – забормотала она страстно.

414-ый улыбнулся.

– Ты, малышка, моя маленькая пташка. Как я могу тебя ревновать?! Для этого я чувствую себя слишком старым. Одновременно я проживаю слишком много жизней, чтобы видеть только половину... Моя маленькая, беззащитная девочка... Я бы хотел отгородить тебя от всего этого... но не могу...

Вера тяжело вздохнула и зарылась ему подмышку.

– Я тебя люблю! Я тебя обожаю! – страстно прошептала она.

Пациент засмеялся и нежно поцеловал девушку в губы.

– Не ошибайся... – тихо отозвался он. – Просто я тебя понимаю...

– Ты говоришь так потому, что у нас ничего не получится? – всхлипнула она. – Ты навсегда останешься пациентом больницы, а я всегда буду твоей медсестрой? Но я хочу любить тебя, и мне не важно! Я люблю, люблю!

– Почему ты так сказала? – сосредоточенно проговорил 414.

Вера непонимающе моргнула.

– Навсегда пациентом больницы... – пояснил 414-ый.

Девушка нервно дернулась и застыла. В комнате повисла тишина. Зажужжал комар...

Долгие минуты она хранила молчание, а потом, широко раскрыв глаза, забормотала:

– Прости, я не сообразила. Это слишком резко прозвучало... Но я недавно подслушала разговор главврача с твоими родными, а потом просмотрела историю болезни... Они... Они предлагают им перевести тебя на содержание больницы... Говорят... Ты неизлечим и опасен...

Протараторив это, Вера боязливо поежилась и, поджав ноги, забилась в противоположный угол кровати.

414-ый внимательно посмотрел на девушку. Потом печально опустил голову на руки.

– Значит, говорят, неизлечим и опасен?

Вера нерешительно кивнула.

Пациент посмотрел в окно и тоскливо усмехнулся.

– И до конца дней эта больница станет мне домом родным! Ты меня не боишься? – задумчиво добавил он.

Вера отрицательно покачала головой.

– Почему же они меня так бояться? Чем же я их так напугал?

Девушка нерешительно пошевелилась и вытащила из кармана несколько фотографий.

– Это то, что ты просил, – осторожно проговорила она.

Пациент 414 порывисто взял снимки.

– Каждая фотография пронумерована, и в конверте под этим номером написана их история? – спросил он.

Вера кивнула и вытащила из другого кармана конверт.

– Что ж приступим! – энергично воскликнул 414-ый. – Проверим, насколько мои ощущения близки к реальности!

Несколько секунд он смотрел на лица людей с фотографий, а потом начал рассказ:

– Это твоя подруга и соседка. Ей уже почти тридцать. Училась хорошо, но в институт бесплатно так поступить и не смогла. Работает продавщицей в продуктовом магазине. Переживает, что не может устроить личную жизнь. Отца нет. Мать – инвалид второй группы... А это... школьная учительница, ты с ней общаешься, но не слишком любишь. У нее муж и маленькая дочка... А не нравится она тебе, потому что... любит приврать... Говорит, что у нее всё лучше всех, а на самом деле муж гуляет, денег не приносит, по дому не помогает, а ребёнка совсем забыл... Только ты на нее не сердись. Врет она не потому, что плохая, а потому что и сама не может признать правды...

Он оторвался от фотографии и посмотрел на девушку.

– А это твоя мама, – тихо продолжал он. – Веселая, жизнерадостная девушка, которой не было еще и двадцати восьми... Со школьной скамьи любила твоего отца, рано выскочила замуж, появилась ты... Они были очень счастливы...

Вера тихо заплакала. Пациент 414 покачал головой и напряженно спросил:

– Ну что?

Девушка посмотрела на него, и на её лице заиграла едва заметная улыбка. Вытирая слезы, она достала конверт и протянула ему.

Пациент 414 впился глазами в его содержимое. Он не ошибся ни в чем! Каждое сказанное слово было действительностью!

Словно в оцепенении 414-ый лег на постель и уставился невидящим взглядом в потолок. Его мысли витали не здесь, а очень далеко.

Собрав фотографии, Вера тихо привела себя в порядок и выскользнула за дверь.

А пациент лежал и размышлял... Уже больше года он был абсолютно уверен в своем сумасшествии, но последние события натолкнули его на то, что и у сумасшествия бывают свои пределы. Эти снимки были тому доказательством.

Теперь больной готовился к новому этапу – он должен был изведать своё сумасшествие до конца, заглянуть в глаза собственному страху и вернуться...

Стояла глубокая ночь. Пациент, как много раз до этого, открыл глаза.

В углу спрятался сгусток неопределенности. Тень зашевелилась, как будто почувствовав пробуждение больного.

– Нам нужен якорь... – позвала она, – откликнись!

Пациент нахмурился. Наступал решающий момент его битвы с собственным разумом. Но он был должен!

– Я здесь, – мысленно отозвался он, и в ответ получил волну теплого приветствия.

Тень в углу стала медленно собираться в комок. Несколько долгих минут пространство вибрировало, а потом ярко вспыхнуло и погасло.

Больной привстал на кровати – ослепленный и удивленный. Никогда он еще не видел ничего более реального. Всем своим изменившимся существом он чувствовал перемены. Эта реальность соприкасалась с другой! Это было так же очевидно, как и то, что он пациент психиатрической лечебницы!

– Я здесь, – донеслось из темноты.

Он узнавал этот голос! Немного резкий, но при этом глубокий!

И если это было безумство, то он хотел ему отдалиться! Он хотел уйти, и если это окажется очередной проделкой разума... Пусть! Лучше запутаться в собственных мыслях, чем влачить жалкое существование в клинике для душевнобольных!

– Марго?! – отозвался он.

– Семен?! – откликнулась ведьма. – Сейчас приду!

Темнота в углу материализовалась в неясное очертание фигуры. Из коридора свет почти не попадал в палату, а зажигать ночник пациент не решался.

– Как ты тут? – поинтересовалась неясная тень. – Мы не слишком поздно?

Больной сжался. Сердце бешено заколотилось. Это была реальность. Совершенно точно! Другая реальность Другого Мира!

– Я думал, что сошел с ума, – отозвался он. – И почему ты тень?

– Темпоральный барьер. Образовался сразу же после твоего возвращения на два года вперед. Не можем пробиться. Приходится довольствоваться проекцией, – ответил голос Марго.

– Значит, я не болен? – воскликнул 414-ый. – Это всё правда...

– Ты здоров, пока здоров... Поэтому мы должны пробиться к тебе или подождать полгода... Но времени нет. Мы всерьез обеспокоены сложившейся ситуацией...

Пациент обрадовано засмеялся.

– Я здоров! Я чувствую твое присутствие каждой клеточкой тела! Вы есть! Ваш мир – реальность! Значит, счастье возможно!

Тень вздохнула.

– Будь осторожнее с докторами... Помнишь о чем предупреждал тебя Азимут? Будь осторожнее. Пока мы можем выходить на связь и поддерживать тебя только так... Но надеюсь нам скоро удастся решить этот ребус.

– А что за темпоральный барьер? – поинтересовался больной.

– Скорее всего, его никто не устанавливал, Похоже на самопроизвольное природное образование. Мы не углублялись в эту область... Но по каким-то причинам события должны были развиваться только так и никак иначе. Тебе было необходимо попасть в эту лечебницу. Но пора уходить. Это становится для тебя слишком опасным. Они слишком далеко продвинулись!

Пациент 414 прослезился.

– А ведь я почти похоронил себя здесь...

И он почувствовал, как Марго, где-то там, улыбнулась.

– И помни, ты Семен, только Семен и вовсе не больной или пациент 414! – отчетливо выговаривая каждое слово, властно заметила ведьма. – Держись, мы скоро поможем!

Семен улыбнулся и быстро сказал:

– Можете не волноваться. Я легко могу убежать. У меня есть вся информация по охране и помощница...

– Только все тщательно обдумай. Ты еще не знаешь, с какой машиной столкнулся! Если будет возможность, подожди немного, и вместе мы выкрутимся.

Семен удивленно поднял брови.

– Я знаю, ты удивлен. Но вспомни, мы рассказывали тебе об экспериментах твоего мира... Так вот, ты часть эксперимента, и они не дадут тебе уйти просто так! И Семен...

Молодой человек прислушался еще больше прежнего.

– Мы помним о тебе, скучаем и ждем встречи... – добавила Марго, коротко вздохнула и продолжила: – Но у нас осталось не так много сил. Так что на сегодня – всё. В следующий раз, когда услышишь зов, просто четко представь мой образ. До встречи!

Молодой человек лежал на кровати и предавался блаженству.

«Здоров!» – пело все его естество.

Он жертва эксперимента! А Лябах – его злой гений!

С утренним обходом, в сопровождении еще одного врача и медсестры, в дверь зашел Петр Петрович.

– Хочу представить Вам моего заместителя Романа Станиславовича! – проговорил главврач и указал на высокого худощавого мужчину с воробьиной головой и большими пугливыми глазами.

Семен посмотрел на второго врача и вздрогнул. В своем бреде он представлял его точно таким! Или это был не бред?! Сознание своей нормальности медленно вытесняло уверенность в сумасшествии. Новый образ мыслей приходил медленно, но уверенно.

Семен поспешно посмотрел в пол и невыразительно закивал головой. Ему необходимо было притворяться! Он должен помнить!

– Роман, осмотрите, пожалуйста, больного и озвучьте Ваше заключение, – обратился к воробьиноподобному врачу Лябах.

Роман Станиславович принялся внимательно осматривать больного, попутно задавая, как всегда, простые и бестолковые вопросы. Семен подробно рассказал: как ему спится, как живется, что настроение у него хорошее, аппетит превосходный, в туалет ходит регулярно, руками балуется...

Когда молодой человек закончил, заместитель сосредоточенно покивал головой и высказался:

– На мой взгляд, имеются некоторые улучшения. Но психика по-прежнему требует коррекции, так как налицо кататонические и аффективные нарушения, а именно состояние симптоматического психоза... галлюцинации... Предлагаю опробовать новый аппарат из лаборатории...

Петр Петрович серьезно кивнул и поддакнул.

– Ну что ж, Роман Станиславович замечательный специалист. Доверимся его мнению. Сегодня, ближе к вечеру, сестра приведет Вас в лабораторию, – чуть помедлив, Лябах бросил на Семена проницательный взгляд и с нажимом спросил: – Прошлой ночью Вы не наблюдали ничего странного или подозрительного? Может, Вас что-то напугало или наоборот... заинтересовало?

В то время как главврач говорил, его глаза просверливали в Семене дырочки. Но молодой человек уже слишком хорошо научился изображать равнодушное послушание, чтобы не выдать свои истинные эмоции. И потому, немного расстроено причмокнув, Лябах через некоторое время предложил продолжить обход.

Семен остался один. Несколько часов он неподвижно лежал. Известие о новом аппарате из лаборатории заставило его глубоко задуматься и попытаться уловить, что же это за аппарат и для чего он предназначен. Но информация не приходила.

Он просматривал каждый закоулок клиники, каждый закуток, но только еще больше убеждался, что лаборатория находится где-то за её пределами и... больше ничего... Полная неизвестность предстоящего пугала...

Да, он был напуган. Другое дело, что он научился справляться со своим страхом, который теперь стал для него одним из привычных состояний реальности. Теперь страх не правил им, а только подстегивал к размышлению и действиям. Семен научился слушать его, научился улавливать истинное приближение опасности. А она подкрадывалась. Молодой человек точно знал. Этого эксперимента ему не пережить. Что будет? Ответа не было. Но...

Дверь скрипнула, и на пороге появилась Вера.

– Мне удалось добиться, чтобы тебя сопровождала я... – проговорила девушка едва слышно.

Семен медленно встал с кровати, надел белые тапочки и утвердительно кивнул о своей готовности.

– Скажи, что мне сделать?.. – прошептала Вера и указала на зажатый в левой руке шприц с успокоительным.

Молодой человек отрицательно покачал головой, и Вера поспешно sprysнула содержимое в раковину.

Больше она ничем не могла ему помочь. Семен это знал. За те несколько часов, что он лежал в своей палате, ситуация вокруг резко изменилась. Охрана удвоилась, число дежурных медбратьев на этажах возросло, на территорию завезли специально обученных сторожевых собак, ключи от дверей были только у старшей медсестры... Одним словом, психиатрическая лечебница к чему-то готовилась.

Только к чему...

«Возможно, к появлению нового суперпсиха!» – усмехнулся про себя Семен и, изобразив тупую покорность после успокоительного, шагнул к двери.

Вера повела его извилистыми и долгими коридорами вниз. Через некоторое время они оказались в подвале, оттуда пробрались в какой-то небольшой, узкий ход. Семен раньше всегда принимал его за чулан. Но, к его удивлению, ход имел продолжение.

Несколько минут они молча шли в тусклом свете ламп. Наконец, впереди замаячил яркий свет, и они вышли в просторное помещение с тремя охранниками. Те при виде вошедших кивнули и что-то тихо сообщили по рации. После поста охраны Семен с Верой повернули к лифтам, зашли внутрь и поехали вниз.

Семен успел медленно досчитать до семи, прежде чем лифт остановился. Двери открылись, и они оказались в просторной белой лаборатории с кафельным полом. В центре, опутанное проводами, стояло кресло, а вокруг суетились: Лябах, Роман Станиславович и еще пара здоровенных ребят в белых халатах. За пультами со множеством экранов и экранчиков сидела молоденькая девушка. При виде их она приветливо улыбнулась. А Лябах бросил:

– А вот и главное действующее лицо! Вера, проведите его к креслу!

Семен с покорно опущенной головой послушно прошаркал за девушкой. Надежды сбегать у него сейчас не было, но оставался маленький шанс, который дала ему Вера, вылив успокоительное. За полтора года пребывания в лечебнице он научился сопротивляться голосам... Возможно, его сознание сможет воспротивиться и... этой силе...

Семен внимательно посмотрел на кресло. В мозгу вспыхнуло, что его работа основана именно на тех самых импульсах, которые терзали его до этого.

«Так это было сумасшествие или постороннее вмешательство?» – зародился в его мыслях вопрос.

– Зафиксируйте ремни на запястьях и лодыжках! – скомандовал Лябах. Вера послушно исполнила указание.

Их взгляды встретились. И молодой человек заметил застывшие в уголках её глаз слезинки.

– Не волнуйся, – прошептала она дрожащими губами. – Мощностъ будет ниже необходимого уровня. Ты справишься...

Семен бросил удивленный взгляд на девушку. Она слабо улыбнулась и отошла в сторону. Семен тут же поспешно опустил глаза в пол и застыл, но все его мысли остались с ней...

– Тамара, выведи на экраны информацию датчиков! – прервал мысли Семена властный голос главврача.

Девушка за пультами кивнула, а два здоровенных парня поспешно сели рядом с ней и принялись дружно щелкать на приборной панели клавишами и рычажками.

– Программу запустил! – отозвался один из них.

– Нарастиваю мощностъ! – проговорил второй.

Лябах окинул Семена пронзительным взглядом и, взмахнув рукой, крикнул:

– Давай!

Мир исчез. На его месте появилась грязная мутная жижа. Перед глазами побежали аморфные образы. Семен попытался сосредоточиться. Образы стали немного прозрачнее, а через них высветилось пространство лаборатории. Лябах, не отрываясь, следил за мониторами. За его спиной стоял побледневший Роман. Двое здоровяков и девушка энергично орудовали за пультами. Чуть в стороне, судорожно сцепив руки, замерла Вера.

Почему-то только сейчас Семен заметил, что ее огромные глаза имеют совершенно необычный глубокий цвет, с оттенком бирюзы и топаза.

– Твою мать!... – грязно выругался Лябах. – Этого не должно было быть! Что за дрянь?! Кто отвечает за подачу энергии?! Какого дьявола чертова стрелка скачет, как умалишенная?! – заорал главврач и, что есть сил, хватил стулом об пол.

Все в лаборатории боязливо притихли, а Лябах продолжал неистовствовать и крушить остатки стула.

– Вы за это ответите, недоделки! Всех уволю! Надоело здесь работать? Надоело премиальные получать?! Кретины! – с пунцовым лицом он начал метаться по кабинету и, словно обезумевший, выкрикивать самые дикие ругательства.

Перед глазами молодого человека опять побежали серые образы, а в голове назойливо зазвучали голоса. Ему захотелось плакать, потом смеяться...

Очнулся Семен, когда его уже несли по коридору двое здоровяков из лаборатории.

– Провода разъело... А все шишки на нас, – проговорил один из молодцов.

– Похоже на серную кислоту... Получается... саботаж! – ответил второй.

– Ты уже об этом сообщил?

Второй на миг запнулся. Потом прокашлялся и пробубнил:

– А ты как думаешь? Хочешь, чтобы из меня зомби сделали?! Я же за это отвечал!

Лаборанты на секунду остановились, чтобы ухватиться за молодого человека поудобнее. И Семен сквозь неплотно закрытые веки бросил взгляд в маленькое окошечко белой двери.

Там, на столе, с проводками на бритой голове лежало бесчувственное тело женщины.

«Ита!» – узнал ее Семен.

Сомнений не было. Он чувствовал её, как и в том полубреду! Только теперь женщина-врач была неподвижна и абсолютно беспомощна!

В следующий миг молодого человека уже подхватили крепкие руки и потащили дальше.

Полностью пришел в себя Семен только в палате. Руки дрожали, а все тело сделалось ватным. Обессиленный он лежал на кровати и понимал, что так дальше нельзя.

Наступала глубокая ночь. Прошел вечерний обход, а через час после этого дверь тихо отворилась.

Семен знал, что это Вера, но не находил в себе сил даже чтобы пошевелить рукой.

– Как ты? – спросила девушка боязливо.

Семен медленно перевел на нее глаза и попытался изобразить улыбку.

– Лучше всех, – хрипло прошептал он.

Девушка, шмыгнув носом, присела у изголовья кровати и стала медленно гладить его по голове.

– Откуда ты знала? – выдохнул Семен.

Вера гордо и лукаво улыбнулась.

– Капелька кислоты на провод и... у тебя есть шанс! Ты не должен здесь оставаться! Не должен!

Молодой человек удивленно поднял брови. Девушка в ответ всхлипнула и безжизненно пробормотала:

– Профессор стал таким после тех процедур... И он не первый... Я их всех потом видела... Это ужасно! У них нет права так уродовать... Я не понимаю... Но я видела...

Девушка замотала головой и закрыла лицо руками.

Семену, наконец, удалось присесть. Бессильно облокотившись о стену, он пристально посмотрел на девушку.

– Как у тебя это получилось? – требовательно произнес он.

Вера покраснела и отвела глаза.

– Лучше объясни сама. Все равно, как только наберусь сил, узнаю...

– Ты не понимаешь... Не знаешь... Что такое остаться совсем одной в шестнадцать лет... Он мне помог, взял на работу... Каждый миг я благодарила его... Но потом начались эти опыты... Я многое видела... Многое! А ты здоров! Ты совершенно здоров! Он не смеет тебя трогать!

– Это он приучил тебя к такой любви? – прошептал молодой человек.

Девушка зарыдала.

– Значит, ты любовница Лябаха... – бесцветно проговорил он. – Как я мог не понять?... Так далеко я не смел заглядывать...

Вера попыталась обнять его и прижаться. Но молодой человек с неизвестно откуда взявшейся силой оттолкнул ее и отвернулся.

– На твоих плечах и груди... его раны? – процедил он сквозь зубы, едва сдерживаясь от того чтобы не перейти на крик.

Девушка кивнула и невнятно забормотала:

– У меня не было другого выхода... Мне необходимо было туда проникнуть... Я знала, что рано или поздно они возьмутся и за тебя...

Семен не пошевелился.

– Думаешь, я этого хотела?! Думаешь, мне было приятно?! – воскликнула она. – Если бы я не испортила провода, сейчас бы ты был безмозглым растением, как многие другие! Теперь у тебя есть возможность! Тебе надо бежать!

– Ты могла все объяснить раньше, и родители меня бы забрали! Тебе не пришлось бы отдаваться этому жирному ничтожеству! – воскликнул Семен.

Вера, заломив руки, упала перед ним на колени и, плача, запричитала:

– Ты еще не понял! Ты еще не понял! Они страшные, ужасные! Им нет оправдания! Все остальные были одинокими... и только ты с родными. Я не знаю, почему выбрали именно тебя, но они не дадут просто так уйти. Ты им зачем-то нужен, или у тебя есть враги, которые хотят стереть тебя с лица земли и остаться чистенькими...

Девушка перевела дыхание и с еще большим пылом продолжила:

– ...Придут твои родители, а ты опять будешь недвижно лежать с пеной у рта. Один укол – и ты безвольное тело! Ты не сможешь с ними поговорить, не сможешь попросить забрать! Они не перед чем не остановятся, ведь ты и так уже поверил в собственное сумасшествие! Это был ИХ план!

Она обняла его за ноги и заплакала.

– Я хочу тебе помочь... Я люблю тебя... Неужели ты не понимаешь?!

Семен резко дернул головой и отстранился.

– Ты могла все сказать раньше, – бросил он, – незачем было идти на такое...

Вера беспомощно улыбнулась.

– Но ты бы не поверил, – убежденно сказала она. – Я видела, ты думал, что болен... Тебе необходимо было почувствовать ту машину... Только она давала понять, что все реально, и голоса не плод твоего воображения, а техника...

– Ты знаешь? – с трудом выговорил Семен.

– Он испытывал её и на мне, всего несколько раз и на слабой мощности... Поэтому я очень хорошо знаю, что начинает твориться с сознанием! Если бы ты меня тогда видел... Ты держался гораздо, гораздо лучше!

– Девочка моя! – с ужасом прошептал Семен и, наконец, понял, через что она прошла. – Как он мог так тебя мучить?!

Дрожащими руками он взял в свои ладони её заплаканное лицо и принялся целовать – долго и нежно.

– Прости меня, прости... – шептал он, обнимая Веру и пытаясь согреть её измученную душу.

Долгие минуты они страстно целовались. Молодой человек бережно ласкал ее спину, плечи и руки. Но боялся идти дальше. Ему стало казаться, что она такая юная и такая хрупкая, что он может нарушить это зыбкое равновесие и потревожить её покой.

– Ударь меня! – сверкая огромными глазами, страстно попросила Вера.

И он ударил. Раз, другой, третий... А потом стал бить наотмашь – неистово и безумно, выплескивая всю свою боль и гнев! Да, ему было больно, невыносимо больно, за эту молоденькую девушку и за себя. За их странную любовь и безысходность... Но вместе с тем его восторгало чувство власти, безмерной власти, которое она ему дарила. Он был её хозяином и тираном, её любовью и мучением!

Вера вскрикнула, в порыве экстаза принялась гладить его возбужденное начало.

Он смотрел на неё сверху, видел ее истерзанную спину... грудь... и новая волна преступного вожделения затапливала его сознание.

Отбросив от себя девушку пинком ноги, он навалился на нее сверху и сдавил горло стальной хваткой.

– Почему так?! – рыдая от боли и наслаждения, прорычал он.

Изо рта её раздался слабый... полустон, полухрип.

В исступлении он вонзился зубами в её шею и до боли сжал запястья.

– Еще... – почти теряя сознание от экстаза, выдохнула она.

– Вера! – прошептал молодой человек. – Я тебя люблю! – и с силой ударил девушку по лицу.

Из носа заструилась кровь, и маленькими капельками начали стекать к подбородку.

Вид крови привел молодого человека в неистовство.

Обезумев от возбуждения, он схватил девушку за волосы, поставил на колени и вошел...

Долгие минуты они совокуплялись, растягивая удовольствие и утоляя по крупницам сумасшедшую страсть.

Долгие минуты она стонала в его крепких объятиях, а он раздирал ее плоть.

Это была их битва – любви с безумием, безумия со всепожирающей страстью...

И он не мог остановиться... быть прежним. Она затащила его в новый мир – другой, непохожий... в королевство кривых зеркал, где сила боли приравнивалась к силе чувства, полное подчинение – к доверию, а самое сокровенное обнажалось до экстаза...

И он ощущал её наслаждение каждой клеточкой своего существа, изнывал и восторгался! Она была его частью, его рабыней, его сутью, его болью, его любовью...

– Так нельзя! – выдохнул он после нескольких минут неподвижного блаженства.

Вера молча опустила глаза.

– Тебе надо бежать! – проговорила она, игнорируя его фразу. – У тебя есть несколько дней, пока не починят аппарат...

– Сегодня усилили охрану. Почти никакой возможности... – ответил Семен и опустил голову.

Два чувства боролись в нем, и радуя и мучая одновременно. Как никогда раньше он понимал, что абсолютно здоров, вместе с тем сознавал полную безысходность. Знакомство с Романом... вид кресла, опутанного проводами... встреча с неподвижным телом Иты... слова Веры... – все складывалось в одну четкую картину. Сомнений не было. Его намеренно сводили с ума!

– Я постараюсь достать ключи от дверей, – нерешительно сказала девушка, нарушая его молчание, – ...и добавить снотворное в еду для охраны... У меня дружеские отношения с некоторыми поварами на кухне... Иногда я к ним захожу, чтобы взять остатки еды для кошки...

Семен кивнул. Это был шанс. А что будет потом, его мало интересовало. Гораздо страшнее было ужасное кресло, которое ожидало его в ближайшие дни.

Он пристально посмотрел на испуганное лицо девушки.

– Ты тоже должна исчезнуть... – медленно проговорил он.

Вера рассеянно отвела глаза в сторону и отрицательно покачала головой.

Семен не на шутку забеспокоился.

– Опомнись! – возбужденно прошептал он. – Они тут же вычислят тебя и... Ты должна бежать тоже...

Девушка посмотрела на Семена и, вздохнув, отвернулась.

– Эта больница – моя жизнь... – тихо ответила она. – Я не знаю другого. У меня есть маленькая квартирка, кошка и... эта работа. Больше ничего. Куда мне бежать?

– Со мной... – проговорил Семен и испугался.

Он не смел предлагать, сам не зная, что. Ведь на самом деле это у него ничего не было! К родителям возвращаться – означало добровольно сдаться в лапы Лябаха. Идти на прежнюю работу – то же самое... Все его старые друзья и прежние связи должны были остаться позади. Прошлая жизнь оказалась перечеркнута красной чертой: «Шизофрения, неизлечим и опасен».

Вера, словно поняв его мысли, печально улыбнулась.

– Ты думаешь, что стал изгоем?

Семен кивнул, и на его губах промелькнула едва заметная горькая усмешка.

– Но тебе все равно слишком опасно оставаться, – ответил он. – Я не знаю, что на самом деле смогу тебе предложить. Но мы можем вместе попытаться построить нечто новое... без прошлого, а только с будущим...

– Он меня не тронет, – как можно более убедительно произнесла Вера. – Он знает меня с малых лет. Я всегда была ему верной и преданной... Он не заподозрит.

– Остаться здесь... В этом вероломном кошмаре?!

Семен не находил слов, чтобы выразить свое негодование. Разные чувства бушевали сейчас в его душе. Его обуревал страх за нее, ревность, тревога и вместе с тем... понимание невозможности предложить что-то.

– Я уйду отсюда чуть позже, чтобы не возникло подозрений. Пережду пару месяцев и уйду... А теперь спи. Тебе нужно набираться сил. Через два дня мое ночное дежурство, к тому времени у меня будут дубликаты, одежду я принесу, вечером подсыплю в котел снотворного, а в двенадцать приду за тобой.

Семен вздрогнул и порывисто обнял её за плечи.

– Будь осторожна! – прошептал он. – Если что-то пойдет не так, отложи. Только не попадись! Прошу!

Два следующих дня прошли для него как в бреду. Днем он каждую секунду думал о Вере, а ночами дожидался зова. Они должны были помочь! Он не хотел подвергать девушку опасности и пытался изыскать хоть какую-то возможность обойтись без ее помощи. Но ноч-

ные часы проходили, а он так и не слышал ответа на свои мысленные призывы. Иногда ему даже казалось, что Другой Мир исчез без следа. А в душу закрадывались сомнения, что все происходящее – плод его больного воображения. Но потом он вспоминал адскую машину, и мысли приобретали прежний ход. Да, Вера была права, лишь увидев и почувствовав её работу, он нашел силы до конца ощутить себя тем, кем он всегда являлся.

Но помимо копаний в себе у него была еще масса работы! К изумлению Веры он попросил как можно быстрее достать липкую ленту, стеклорез, маленький ножик и напильник.

Все свободное время Семен посвятил выпиливанию решетки, оставив лишь пару прутьев, которые поддерживали её на прежнем месте. Кроме этого молодой человек умудрился украсть несколько махровых полотенец и долгими часами резал их на полосы и связывал. Все должно было выглядеть так, как будто из персонала ему никто не помогал. А дремота... Семен был уверен, что мало кто сознается, что заснул на посту. И к назначенному часу все было готово!

За окном заскулила собака. Близилась полночь. Молодой человек лежал на кровати и напряженно ждал. Его мозг, научившийся отсеивать лишнюю информацию, теперь работал в прежнем режиме. Сотни людей жили и передвигались в его сознании. И он чувствовал сонливость, навалившуюся на большинство из них. План Веры работал. Охранники на лестнице засыпали.

Пора было действовать! Семен энергично встал с постели и, слегка надавив на решетку, снял и отставил в сторону. Затем наклеил полотно липкой ленты на окно, провел стеклорезом по её краям и, держась за ручки на ленте, осторожно положил стекло на пол.

Дверь открылась, и в комнату проскользнула Вера. Семен поспешно взял из ее рук одежду и с блаженством надел на себя. Джинсы и куртка пришлись в самую пору. Молодой человек улыбнулся. Как долго он не носил ничего кроме этой светло-голубой робы!

Вера протянула ему ключи. И, поочередно указывая на каждый, объяснила от какой он двери.

– А теперь послушай меня, – тихо прошептал Семен. – После того как я от тебя выйду, подожди час, зайди в мою палату и выброси полотенца. Охранники на стене не заснули, так что они не должны заметить его, пока я не отойду на безопасное расстояние. Потом закрой дверь и возвращайся на пост. Как только смогу, я с тобой свяжусь...

Вера сдавленно вздохнула, и в последний раз прильнув к молодому человеку, прошептала:

– Иди! У тебя все получится! Я знаю!

И Семен тенью выскользнул в коридор. Охрана на площадке мирно дремала. Опрометью он бросился по лестнице вниз. Миновав все этажи, молодой человек оказался у небольшой двери подвала. За стеной, около подвального окна, тявкнула и завyla сторожевая собака.

Семен поспешно просунул ключ в замок и облегченно вздохнул, когда понял, что дверь с легкостью поддалась. Дальше он побежал по длинному коридору, подходящему почти вплотную к стене, отгораживающей лечебницу от всего остального мира. Дверь на улицу далась с такой же легкостью.

Семен оказался на залитой лунным светом лужайке. Глубоко вздохнув, он посмотрел на запасные ворота (несколько лет ими никто не пользовался, и найти от них ключ Вере не удалось), а затем перевел взгляд на стену. Гладкая, четырехметровая – она представляла собой неприступную крепость. Но Семен уже знал ответ. Пригнувшись, он побежал вдоль нее к широкому раскидистому дереву – его лестнице в другой мир.

Краем сознания он уловил приближение собак. Судорожно глотнув воздуха, Семен увеличил темп до предела, молясь, чтобы охрана на стене не посмотрела в его сторону.

До дерева оставалось несколько метров, собаки приближались. За спиной он уже слышал их рык.

Прыжок – и он повис на нижней ветке, подтянулся, обхватил ее ногами и стал уверенно карабкаться по стволу.

Сигнал тревоги пока не включали. Семен улыбнулся. У него все еще оставался шанс.

Нужная ветка – он повис на ней и стал осторожно пробираться к концу, который свисал над стеной.

Собаки подбежали к дереву и неуверенно затоптались на месте. Молодой человек напряженно застыл и сосредоточился. Он их чувствовал, чувствовал их растерянность. Они знали, что где-то там, почти за оградой, есть он. И в то же время не были уверены, что это их территория. Они не понимали, обласкают их за лай или накажут. Лишний шум в пределах клиники не приветствовался. Уловив эти молниеносные сомнения, молодой человек попытался их усилить. Его мозг загудел от напряжения... А собаки, поджав хвост, опростельно бросились прочь!

Молодой человек облегченно вздохнул и разжал пальцы. Он был по другую сторону стены! Он ликовал!

Встав с земли и быстро отряхнувшись, Семен поспешил прочь.

Только спустя час быстрой ходьбы молодой человек позволил себе громко расхохотаться. Он был свободен! Воздух свободы его пьянил и дурманил! Он дышал свободой!

Местность вокруг была мало знакома. Больше всего это походило на пригород. Через некоторое время Семен вышел к дороге. Мимо сновали машины. Молодой человек на секунду остановился и с наслаждением принялся смотреть на их нескончаемый поток. Как он соскучился по всему этому! По шуму машин, по запаху бензина...

Он широко улыбнулся и, отойдя от дороги поближе к кустам, пошел дальше. Только сейчас почувствовал во внутреннем кармане необычную тяжесть. Поспешно расстегнув молнию, Семен вытащил оттуда объемный конверт, открыл его и удивленно замер. Там, рядом с маленькой записочкой, лежала аккуратно перевязанная пачка банкнот. А в записке говорилось:

«Для тебя, моё счастье».

Семен автоматически пересчитал деньги. На первое время этого было более чем достаточно. Волна благодарности и вины затопила его сознание. Он не смел так обременять эту девочку... И только благодаря ей его шансы выжить возрастали.

Блаженно покуривая сигарету и запивая терпкий дым небольшими глотками вина, Семен изучал кипу газет в маленьком недорогом отельчике на окраине Москвы. В углу наигрывал заводные мелодии телевизор, а за окном начиналось утро.

В первую же ночь своего второго рождения, он обнаружил, что спать, сколько обычно, ему вовсе не обязательно. Двух-трех часов легкой дремы ему вполне хватало, чтобы полностью восстановить силы, и теперь коротание ночи за телевизором с грудой газет стало одной из его новых привычек.

В дверь постучали.

– Войдите, Сергей! – отозвался Семен.

Вернее, теперь его звали Самсон, а точнее «Самсон Всевидящий».

Сергей, управляющий отелем, боязливо протиснулся в комнату Семена. Каждый раз эта манера Самсона Всевидящего угадывать, кто за дверью, приводила его в восторг и паническое смущение.

– С чем пожаловали? – поинтересовался Семен и соорудил важную гримасу. «Нынче без гримас никуда!» – однозначно решил он, когда в начале своей карьеры приступил к общению с клиентами – просто и по-дружески. Граждане за свои деньги требовали таинствен-

ности и загадок. Вот и пришлось Семену учиться на актера. И уже после месяца упорных занятий по актерскому мастерству важность с примесью мистики получалась у него просто на ура!

– Да вот сын опять куда-то запропастился. Третьи сутки... Не знаем, где и искать... – тревожно пробормотал мужчина лет сорока пяти, довольно стройный и подтянутый, с приятными чертами лица и заученной улыбкой отельного служащего.

– Фотографию! – важно скомандовал Семен и, закатив глаза, принялся что-то бормотать себе под нос.

Бормотание, по его наблюдению, тоже производило весьма благоприятное впечатление. Как говорится – исполним любую прихоть! Лишь бы клиент остался доволен произведенным впечатлением.

– Опять наркотики и дурная компания. А в остальном жив, здоров, – недовольно фыркнул Самсон Всевидящий и указал место на карте, где искать сына.

Сергей восторженно улыбнулся и кинулся звонить жене на мобильный.

– Люся! – счастливо воскликнул он в трубку. – Как всегда, загулял. Но жив! Судя по всему, опять в том клубе. Сейчас поеду туда...

В то время, пока управляющий отелем радостно щебетал в трубку, Семен размышлял о несправедливости его новых возможностей. Да, посторонних он чувствовал с легкостью и уже четвертый раз подряд помогал Сергею вытащить сына из загула. Но, что касается близких ему людей... информация никогда не приходила, как будто чем сильнее были его сердечные волнения о человеке, тем меньше он мог о нем знать...

Тем временем Сергей радостно оторвался от трубки, пожал руку Семену и в дверях счастливо крикнул:

– С меня пятидесятипроцентная скидка на жилье! Большое спасибо! – и скрылся в коридоре.

В дверь опять постучали, и на пороге появилась женщина средних лет, средних габаритов и с непременной печалью на челе. Руки украшали дорогие перстни, на плече висела именная сумка, и Семен был более чем уверен – около отеля припарковалась очередная новенькая иномарка.

– Самсон Всевидящий? – осторожно поинтересовалась женщина.

Семен кивнул и в очередной раз внутренне пожалел бедняжку, вернее вовсе не бедняжку, точнее небедную. У этой образцовой домохозяйки было все: шикарный загородный дом, огромная квартира, машина, куча драгоценностей, взрослые дети и пятнадцать-двадцать лет безоблачного брака за плечами.

Но настало время, и красивый мирок этой женщины рассыпался как карточный домик. Дети выросли и упорхнули, муж, ставший вместе с ней состоятельным, почувствовал свободу и захотел новых впечатлений... И она осталась ни с чем. Все, ради чего она жила, испарилось. Ни работы, ни друзей, ни увлечений... Дом, квартира, драгоценности – все это больше тяготило, чем радовало.

– Мне порекомендовала Вас Мила. Сказала, что ей еще никогда не говорили таких подробностей, вплоть до адреса... – произнесла состоятельная домохозяйка и стыдливо потупилась, не зная, как задать основной вопрос.

– Подозреваете мужа в неверности? – поинтересовался Семен и внимательно посмотрел в глаза несчастной.

Женщина удивленно кивнула и, протягивая фотографию супруга, залепетала:

– Знаете, точно сказать не могу... Но в последнее время он начал слишком часто задерживаться... И эти постоянные командировки... Выключение мобильного телефона... Мне кажется это странным... А когда я пытаюсь поговорить, расспросить... он отбивается от меня, как от назойливой мухи. Раньше он таким не был...

– Значит, Света, Вы подозреваете, что Ваш Миша... как бы это помягче сказать... увлекся? – проговорил Семен загадочно и порадовался произведенному эффекту. От того, что он назвал их имена, женщина так и осталась стоять в стойке оловянного солдата.

– Да Вы присаживайтесь, – уже более миролюбиво, по-земному, добавил Семен и указал женщине на кресло.

Краем глаза он заметил, что женщина только от одного упоминания о своем несчастье, впала в ступор и близка к истерике.

«Так, с этой надо помягче и поменьше мистики», – про себя отметил Семен и с удовольствием приготовился помочь, чем сможет.

Но вначале все было совсем по-другому. Долгое время новое занятие молодого человека корбило. Потому как заниматься он им стал фактически поневоле, когда в кармане закончились последние деньги, а в колонке рядом с объявлениями о работе попала надпись:

«Всевидящая Серафима. Помогу обрести жизненный путь, найду пропавших, верну любимого».

Вдохновившись, Семен решил отдаться мистике, и пошел к Всевидящей за советом.

Дама странных форм и непонятных очертаний оказалась обычной шарлатанкой. Это Семен понял еще с порога. Но отступать было уже поздно, да к тому же ему вдруг стало невыносимо интересно, каким же образом эта «всевидящая» заговаривает зубы своим клиентам.

А Всевидящая, ничего не подозревая о своем раскрытии, таинственно улыбнувшись, пригласила молодого человека в украшенную всякими костяшками, рогами и черепами комнату. Там, на столе, курилась сандаловая палочка, шторы были плотно прикрыты, и только тусклая лампа, в виде тыквы, освещала пространство вокруг.

Сев за стол, Серафима принялась (по ее словам) отгонять злых духов, делая таинственные пассы руками. Когда липовая процедура была завершена, прорицательница, тяжело вздохнув, зажгла свечи.

– А теперь говори, сын мой! – торжественно обратилась она к Семену и, сев в величественной позе, принялась ждать.

Семен слегка усмехнулся и, почесав затылок, ответил:

– Пришел к Вам, потому что у меня проблемы. Хочу узнать, как их решить.

– Что за проблемы? – загробным голосом поинтересовалась Всевидящая.

Подняв брови, Семен уже собрался сказать, что если она Всевидящая, то ей виднее. Но все же сдержался и решил играть по ее правилам. Ему еще не до конца было понятно, как она умудряется морочить голову так, что к ней стоит целая очередь!

– С работой, – отозвался он и с любопытством принялся ожидать ее следующего хода.

– А что же тебя больше всего интересует, сын мой? – важно отозвалась Серафима.

– Налогообложение, – проговорил Семен.

– Так иди туда, сын мой! – громогласно заявила Всевидящая.

– Там враги! – так же громогласно, в тон ей отозвался Семен.

Серафима сощурилась и тут же переменяла тактику. Закатив глаза, она принялась делать пассы руками и невнятно бормотать.

– О! Вижу тьму, которая сгущается над подобным направлением деятельности! Ждут там тебя недобрые люди и козни. Пойдешь туда – нелегко тебе придется! Обманут и собьют с верного пути!

Молодой человек, глядя на перекошенную в мистическом экстазе физиономию Всевидящей Серафимы, не удержался и хмыкнул.

Всевидящая тут же среагировала.

– Если нет в твоём сердце доверия, ничем не могу помочь. Если ты далек от колдовства и магии, они останутся глухи к твоим просьбам. Можешь уйти, но знай – в тонкий мир нет обратной дороги. Раз отвергнув, ты отвергаешь его навсегда!

Семен, не удержавшись, расхохотался.

– Это же надо?! – воскликнул он. – А ведь действует! Аж до костей пробирают Ваши устрашения!

– Это не я! Но моими руками идет к тебе тайное... – ослабившись, бросила Серафима.

– А ведь когда-то были весьма неплохим учителем психологии! – отозвался Семен, не переставая весело улыбаться.

Серафима тут же переменялась. Нахмутив брови, она быстро спросила:

– Мы знакомы?

Семен хохотнул.

– Никогда не имел чести видиться с Вами раньше.

Всевидающая на секунду задумалась, а потом, вытащив из необъятных карманов пачку денег, бросила.

– Милиция?! С проверкой пришли? Сколько раз говорила, не собираюсь я деньги на лицензии выкидывать. Все равно они филькина грамота!.. А Вы повадились честных тружеников обирать!

Семен недоуменно уставился на банкноты. Пачка пятисоток была весьма увесистой. Получается, эта шарлатанка зарабатывала на обмане людей весьма неплохо!

– Да я, собственно... хотел совет получить, – слегка разочарованно пробормотал Семен и развернулся, чтобы уходить.

Но Серафима тут же поняла ошибку и гневно крикнула:

– Вижу, ты не из милиции! Я тебя проверяла на алчность! За советом пришел, говоришь? Только слушать не хочешь. Но время я на тебя потратила, так что плати!

– Вот как вывернулась! – почти восторженно воскликнул Семен и более спокойно добавил: – Я думал, ты что-то интересное рассказать можешь, а ты только людей запугиваешь. Так что пора мне. Не буду зря свое время тратить.

Серафима несколько секунд растерянно молчала, но потом подскочила к дверям и, растопырив руки-грабли, закричала:

– Чуму нашлю, неверующий! Ты силы мои потратил, а теперь уйти хочешь?!

– Тьфу ты, глупая! Не проведешь ты меня своими фокусами! – выругался Семен и попытался пройти.

Но Всевидающая растопырилась, словно мокрая курица, и, метая глазами в Семена молнии, что есть сил, завизжала:

– Не потерплю такого оскорбления! Не позволю топтать мой авторитет! Я самая всевидающая из всех всевидящих!

Семен посмотрел на нее внимательнее и ойкнул.

– Да ты же из дурдома будешь! Из-за мужа, который тебя с ребенком одну бросил, в уныние впала! Биполярное аффективное расстройство! БАП! – поднатаскавшись в психиатрических терминах, со знанием дела воскликнул молодой человек.

Судьба этой полусумасшедшей, полуизмученной женщины была сейчас перед ним как на ладони.

Серафима застыла как вкопанная.

– Откуда знаешь? Я этого никому не рассказывала, – едва слышно выдохнула она.

Семен тоскливо пожал плечами.

– Так уж вышло, что я много про кого знаю. Смотрю – и знаю...

Серафима нервно заходила взад-вперед. А потом указала на портрет на стене и спросила:

– А про него тоже знаешь?

Сеня мельком посмотрел на изображение. Несколько секунд – и в его голове родилось знание.

– Отец твой, доктор наук, – отозвался молодой человек.

– Быть того не может! Точная правда! – вытаращив глаза, возбужденно воскликнула Серафима и заходила по комнате еще энергичнее.

А Семен, печально посмотрев на потерянную женщину, направился к дверям.

Та поспешно догнала его и протараторила:

– Так ты ко мне с вопросом приходил, где работать?

Семен утвердительно кивнул.

– Работай со мной! – воскликнула Всевидящая. – Мы с тобой вместе такого натворим!

Молодой человек удивленно помотал головой и поспешно вышел из квартиры. Нет, это было не для него!

Так думал Семен еще несколько дней, пока не закончились деньги. До этого момента он, правда, предпринимал несколько отчаянных попыток найти другую работу. В налоговую область он идти не отваживался. Память о Лябахе и людях в белых халатах была еще слишком свежа, а они могли искать его именно там!

Так что налоговая сфера отпадала, а все остальное выглядело малопривлекательно. Быть грузчиком или официантом?.. К тому же сразу возникал вопрос с документами.

И Семен пошел во всевидящие!

– Может, чайку? – предложил он Светлане и, откинувшись в кресле, приготовился к разговору.

Как ни странно, но спустя некоторое время он заметил, что его знание не самое главное, точнее не единственное, что нужно. Для определенной категории людей, помимо мистики, гораздо более важным моментом оказывалось общение. Простое человеческое общение, понимание и сочувствие. Большинство жен приходили за подтверждением своих подозрений, наперед зная, с кем, как и где... И эта категория нуждалась в том, чтобы выговориться. Многие не решались поведать о своем несчастье никому другому. А совершенно посторонний человек... Это как раз было то, что нужно!

Светлана всхлипнула и взяла предложенную чашку.

– Невероятно, что Вы назвали наши имена, – пробормотала она и, после долгой паузы, вперив в Семена измученный взгляд, едва слышно выдохнула: – Кто она?

Семен вздохнул. Как много перевидал он таких взглядов!

– Если я отвечу... – постарался сказать он как можно мягче, – Вам не станет легче, скорее наоборот. Вы должны быть к этому готовы.

Женщина судорожно кивнула, и Семен в очередной раз приготовился рассказывать самую обычную и заурядную историю. Таких историй у него накопилась целая коллекция. Поженились молодыми, у него дела пошли в гору, посадил жену с детьми дома. Она превратилась в исправную домохозяйку, дети выросли, ему стало с домохозяйкой скучно и потянуло мужа на новенькое...

Менялись только имена, а суть оставалось прежней.

Светлана долго и внимательно его слушала. Даже записывала что-то в блокнотик. А когда Семен закончил, запальчиво произнесла:

– Я ей позвоню! Я объясню, что у нее нет права! У него семья, дети! Она молодая, найдет другого...

Светлана замолчала и посмотрела на Семена, ища одобрения. А молодой человек только пожал плечами.

– Вы не понимаете, Светлана, – тихо проговорил он. – Вы совершенно разные. Если она алая роза с шипами, то Вы зеленый одуванчик. Жизнь успела потрепать и побить вашу

соперницу, и она научилась цепко держаться за то, что имеет. Она ненавидит нищету и все, что с ней связано. Она пойдет на все, чтобы заполучить состоятельного мужа. Он ее путевка в высшее общество и дорога к достатку! Она даже никогда не задумывалась о Вашем существовании! И если Вы вдруг позвоните с мольбами и увещаниями... она, скорее всего, расхохочется Вам в лицо и выставит перед мужем в самом дурном свете.

Светлана побледнела. Дрожащими губами попыталась сделать несколько глотков чая, а потом отставила чашку и горько разрыдалась.

Несколько долгих минут Семен слушал равномерные всхлипы и вскрики. Когда это все прекратилось, он очень медленно произнес:

– А что Вы испытываете к своему мужу?

Светлана недоуменно застыла.

– Он мой муж! – возмущенно воскликнула она.

Семен недоверчиво покачал головой.

– Это не ответ, – бросил он.

Какое-то время Светлана недовольно корчила мордочки.

– Этот вопрос я задал не из любопытства, – добавил Семен.

Женщина порывисто встала и заходила по комнате.

– Я его люблю, мне его недостает. Я по нему скучаю! – наконец выдохнула она.

– А почему так долго думали? – отозвался молодой человек.

Светлана опять нервно заходила по комнате.

– Я к нему привыкла, – наконец выдавила она. – Он центр моего мира...

– А Вы должны научиться стать центром его мира... – проговорил Всевидящий и продолжил: – Он работал, он создавал, он развивался. Он был всегда интересен. Вот одна из составляющих Вашего чувства. А Вы? Что Вы?

– А я воспитывала детей и жила его жизнью! – гневно ответила Светлана. – И Вы хотите сказать, что этого мало?!

Семен улыбнулся.

– Но... – нерешительно проговорила Светлана после долгой паузы. – Я была образцовой матерью и образцовой женой...

– А как насчет образцовой любовницы и лучшего друга?!

– Я всегда была рядом, выслушивала проблемы, терпела невзгоды... Я всегда поддерживала...

– Вы были ему равным партнером и другом? – повторил свой вопрос Семен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.